Внешность обманчива

Фрида Нильсон

Меня удочерила горилла

—Так-то лучше! Хватит тут прикидываться хорошей девочкой.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Однажды в детский приют «Лютик», где живёт девятилетняя девочка Юнна, примчался видавший виды автомобиль. Кто бы вы думали сидел за рулём? Горилла! Она собиралась выбрать себе сиротку на ужин – так, по крайней мере, думали дети. Не долго думая, горилла забрала Юнну… Но не на ужин, а на воспитание!

Кто из приютских детей не мечтает обрести настоящий дом и любящих родителей. Каждому ребёнку больше всего на свете хочется найти маму с добрыми глазами и красивой причёской. Маму, которая ласково обнимает тебя, переживает за тебя и всегда утешает. О такой маме мечтала и Юнна, оказавшаяся в логове у гориллы.

Эта книга о том, как трудно принять родителей такими, какие они есть. Это не только подарок судьбы и исполнение заветного желания, но и появление чего-то неизвестного и чужого, вмешательство в привычную жизнь. И им двоим – маленькой девочке и на первый взгляд страшной Горилле – предстоит многое вместе пережить, перед тем как они обретут друг в друге семью.

В 2011 году «Меня удочерила горилла» была номинирована на престижную Немецкую детскую литературную премию.

Фрида Нильсон – детская писательница, автор сценариев для теле– и радиопрограмм, телеведущая. Её книги номинировались на шведскую премию Августа Стриндберга и французскую премию «Там-там. Я люблю читать».

- Фрида Нильсон
  -
  - Когда приходит горилла
  - Дом на окраине
  - Разбитое окно
  - Велосипед
  - Отставить панику на «Титанике»!
  - Новый наряд для Гориллы
  - Великие дела
  - Дом на колёсах
  - Вечер в ресторане
  - Новые беды
  - Визит проверочного комитета
  - Полянка в лесу
  - Решение комитета

- Снова в приюте
- Фотография
- Обезьянья звезда
- Приключения

- notes
  - 1

Фрида Нильсон
Меня удочерила горилла

Text © Frida Nilsson and Natur & Kultur, Stockholm 2005.
Illustrations © Lotta Geffenblad and Natur & Kultur, Stockholm 2012
© Коваленко О. О., перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2015

* * *

Когда приходит горилла

Когда мне исполнилось девять лет, меня удочерила горилла. Я не просила об этом.

Это случилось в сентябре. Был день генеральной уборки, и нас – детей из сиротского приюта «Лютик» – выставили во двор. Ветер плясал по улице, разгоняя листву, сложенную в аккуратные кучки. Воспитательница Герда распорядилась, чтобы мы вытрясли простыни, полотенца, подушки и одеяла. Сама она прогуливалась неподалёку, наблюдая за тем, как мы трудимся. Близко Герда не подходила, чтобы не запачкаться пылью.

– Дождитесь, пока уляжется пыль, прежде чем браться за следующую вещь! – кричала она. – Наглотаетесь пыли и заболеете, только этого мне не хватало.

Мы с Ароном взялись за простыню с двух сторон.

– Осторожно! – сказала я. – Ты слишком сильно трясёшь.

Арон затряс ещё сильнее.

– А мне некуда силу девать! – и тряхнул так, что его лицо побагровело. Мои белобрысые косички подскакивали на голове. В «Лютике» все девочки с длинными волосами должны были носить косички. «В причёску вшам труднее забираться», – говорила Герда.

– Прекрати! – крикнула я и рванула простыню так, что она выскочила у Арона из рук. Он вытер рукой под носом, смачно втянув в себя соплю. Лицо у Арона было всё в веснушках, как будто колбаса-сервелат в точечках жира.

– Тогда тряси сама, – сказал он, поднял с земли другую подушку. И затряс её так, будто хотел выбить из неё душу.

– Чем лучше трясёшь, тем быстрее закончишь! – кричала Герда. На ней был светло-зелёный рабочий халат, в ушах сияли маленькие золотые серёжки.

Но никто и не думал поторапливаться. Быстрее закончишь – значит, раньше начнёшь драить полы и окна, чистить картошку, мыть посуду, сгребать в кучи сухую листву. О свободном времени можно было только мечтать. Герда считала, что его у нас вполне хватает по ночам, когда мы спим.

Вообще-то генеральную уборку затеяли не просто так. В приюте ожидали гостей. Кто-то хотел приехать и выбрать себе ребёнка. Герда очень волновалась, как обычно в такие дни. С самого раннего утра она носилась повсюду, как бешеная курица, осматривая детей и комнаты. Объявляла войну пыли, рваным носкам и грязным ушам.

– Хорошо хоть постричь успели, – бормотала она, глядя

на нас. Всех детей недавно постригли, потому что в «Лютик» приезжал фотограф. Приезжал он каждый год, а за неделю до этого Герда доставала большие кухонные ножницы и стригла нас. Когда надо было сделать снимок, мы выстраивались перед домом и улыбались изо всех сил. Мы любили эти дни, ведь для нас это был перерыв среди нескончаемого мытья полов и другой тяжёлой работы. В приезде фотографа было что-то торжественное – он бывал у нас каждый год, начиная с самого основания «Лютика». На стене в коридоре висели чёрно-белые фотографии всех, кто когда-либо жил в нашем приюте. Герда была почти на всех снимках. Она работала здесь воспитательницей с незапамятных времен.

– Смотрите-ка, – сказала она, вытянув шею. – А вот и почта пожаловала.

Из ельника вынырнул чёрный автомобиль с эмблемой в виде жёлтых почтовых рожков. Герда бросилась к калитке, замахав руками, как дирижёр.

– Стой! – крикнула она почтальону, опустившему стекло. – Здесь только что разровняли гравий! Только что! – Она протянула пухлую руку к конверту, который почтальон собирался опустить в ящик. – Давай сюда!

Автомобиль газанул и исчез за поворотом. Герда, напевая, вскрыла конверт, начала читать, и песня тут же застряла у неё в горле.

– К нам пожалует проверка из муниципалитета, – пробормотала она, окидывая нас обеспокоенным взглядом, словно подсчитывала количество голов. Вообще-то считать ей было незачем. Не проходило дня без напоминания о том, что в приюте живёт пятьдесят один ребёнок, а это на одного человека больше, чем положено по закону. «Лютик» рассчитан ровно на пятьдесят детей.

– Ха-ха, запахло жареным, – прошептал Арон, строя гримасы.

Я закончила вытряхивать простыню и вытерла пот со лба. Вообще-то на улице было нежарко, но поневоле вспотеешь, когда приходится махать руками изо всех сил.

– Ты о чём? – спросила я.

Арон выпучил глаза и стал похож на большую яичницу-глазунью:

– А ты разве не знаешь, что Герда избавляется от тех, кто ей не по вкусу?

– Избавляется? – сердце у меня ёкнуло. – Как так? Убивает?

Арон медленно покачал головой.

– Не совсем. Неужели ты не слыхала истории о том, как она разделалась с ребёнком, который ей мешал?

– Не слыхала.

Арон подошёл ближе.

– Однажды, давным-давно, – прошептал он, покосившись на Герду, – была тут одна девочка, которую она терпеть не могла. И как-то раз ночью села она на велик, посадила её на багажник и покатила. И бросила её в какой-то заброшенной хибаре, где не было ни души и нечего было есть. Девочка была такой маленькой, что сопротивляться не могла. Герда уехала и больше никогда туда не возвращалась. А девочка та так и померла.

Я уставилась на него во все глаза. Арон кивнул, растянув рот до ушей.

– Враки! – крикнула я.

Арон пожал плечами.

– Может, враки. А может, и нет. Со мной у неё этот номер не пройдёт, я слишком сильный, – сказал Арон и смачно шмякнул подушкой об землю.

Герда продолжала изучать письмо.

– Через две недели во вторник, – бормотала она. – Группа инспекторов в плановом порядке проконтролирует соблюдение санитарных условий и пересчитает детей. С уважением, Турд Фьюрдмарк. – Сглотнув, Герда прикусила губу. Затем подняла взгляд и заметила, что мы за ней наблюдаем. – Ну что ж, – сказала она с наигранным спокойствием. – К этому времени мы как следует всё приберём. И приведём ногти в порядок. Юнна!

Я вздрогнула оттого, что она так резко и неожиданно произнесла моё имя. Ничего хорошего это не предвещало. Герда вразвалочку подошла ко мне, скорчила злобную гримасу и нависла надо мной всеми своими двойными подбородками.

– Думаешь, простыня будет чище оттого, что ты трёшь её грязными руками?!

Я опустила взгляд: опять я забыла помыть руки. Белая ткань перепачкалась.

Герда выдернула у меня простыню.

– Ничего удивительного, что здесь такая грязища! Будете жить тут, пока вам не исполнится шестьдесят лет. И потом придётся переименовать детдом в дом престарелых.

О том, что она в эти времена будет лежать в земле, мёртвая, как маринованная селёдка, Герда, конечно, не думала. Я вздрогнула: что, если мне придётся остаться в «Лютике» навсегда? Не то чтобы Герда была такой ужасной, просто она ведь нам не настоящая мама. Мне кажется, мы ей совершенно безразличны. Если у кого-то из нас был грипп или воспаление лёгких, она очень расстраивалась, но только потому, что для неё это означало лишние хлопоты. Если кто-то до крови разбивал

коленку, она прежде всего думала, как бы не запачкать ковры. Настоящая мама пожалела бы ребёнка, а Герда жалела только саму себя. Вот и вся разница.

Герда повернулась ко мне.

– Ты здесь уже девять лет! Неужели до сих пор не запомнила, что, прежде чем браться за чистые вещи, надо мыть руки?

Щёки у меня запылали. Некоторые дети ухмылялись – так было всегда, когда Герда на меня кричала, а случалось это нередко. Я вечно забывала мыть руки. Но вовсе не потому, что была грязнулей. Просто это улетучивалось из головы, сколько бы Герда меня ни отчитывала. Может, мои мозги устроены так, что мысли о мыле в них надолго не задерживаются? Может, они созданы для мыслей о других вещах? Пока что у меня не было возможности это проверить, все силы уходили на защиту от мыльных упрёков Герды.

Иногда мне казалось, что мыться так часто вовсе не обязательно. Хоть ты сто лет простоишь под душем, оттирая грязь, всё равно не успеешь оглянуться, как опять испачкаешься. Только высказать это Герде я никогда не решалась. Она всегда повторяла, что «по иронии судьбы» у неё на шее оказалась такая неисправимая свинья, как я. Что за ирония такая, я не очень понимала, но любому ясно: это плохо.

– Ну? – вопрошала она. – Неужели ты настолько глупа, что руки забыла помыть?

Я отвела взгляд, сказать было нечего.

Герда приложила руку к уху, будто не расслышала мой ответ.

– Что ты сказала, Юнна? Может, ты у нас дурочка?

Все уставились на нас. Я прикусила губу и крепче вцепилась в простыню.

– Нет, – прошептала я.

– Э-эй! – заорала Герда, как будто она оглохла. – Мы не слышим тебя. Говори громко и чётко, чтобы всем было ясно. Ты у нас дурочка?

– Нет!

– Вот это другое дело. Тогда иди, вымой руки.

Она развернулась и прокричала ещё громче:

– Остальные собираются в быстром темпе! Что, весь день будете здесь трясти простынями? Толку от вас никакого!

Некоторые начали собирать простыни и подушки, чтобы занести в дом. И тут из ельника послышался тихий звук мотора. Автомобиль приближался. Дети вытянули шеи, словно охотничьи собаки, почуявшие дичь.

– А ну успокоились! – завопила Герда, но никто не смотрел в её сторону. Всякий раз, когда в приют приезжала машина, дети

окружали её. Все пихались и расталкивали друг друга локтями, стремясь пробраться поближе и показать себя, все хотели уехать из «Лютика» навсегда. Как же мы об этом мечтали! Как нам хотелось обрести настоящий дом, настоящую маму, такую красивую, с высоким пучком и ароматом духов. Маму, которая, если ты разобьёшь коленку, расстроится, воскликнет: «Бедняжка ты моя!» – и помчится за пластырем. Как мы мечтали о папе в блестящих ботинках, который побежит покупать комиксы, если ты заболеешь гриппом. Да уж, все мы хотели покинуть «Лютик», но, когда в приюте живёт пятьдесят один ребёнок, шансы у каждого невелики. Поэтому все мы здорово работали локтями в те редкие разы, когда в приют кто-нибудь приезжал.

Я побежала к воротам вместе с остальными. Звук мотора становился всё громче, ещё немного – и автомобиль будет здесь. Я встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть его за стрижеными головами детей…

Из леса, сделав крутой вираж, вынырнул потрёпанный старенький «Вольво». Он нёсся на дикой скорости. Ещё мгновение, и машина подъехала к воротам и завернула на гравийную дорожку. Она с рёвом объехала пару раз вокруг большого дуба, рванулась вправо, затем влево, словно никак не могла определиться, где встать. В конце концов она резко затормозила и, сделав ещё полкруга, замерла прямо перед нами.

Теперь уже не только у Арона лицо походило на яичницу-глазунью. У машины был такой вид, будто она только что спаслась от кровожадных сборщиков металлолома. Сзади бессильно болталась выхлопная труба, от мотора пахло гарью, а стёкла были покрыты картинками и наклейками. Кузов был испещрён рыжей чешуёй ржавчины, но кое-где виднелись остатки старой зелёной краски.

Я наморщила нос. Не хотелось бы мне попасть в дом к тому, кто сидел в машине, – кем бы он ни был. Похоже, та же мысль вертелась в головах у остальных.

– Ну и развалюха! – крикнул Арон. – Ни за что в жизни в такую не сяду!

Герда как заворожённая смотрела на свою испорченную гравийную дорожку. Затем она перевела взгляд на машину. Дверца распахнулась.

Наружу показалась чёрная волосатая нога, обутая в перепачканный глиной башмак с драным шнурком. За ней тотчас показалась и другая нога, такая же толстая и косматая. Сглотнув от волнения, я вытянула шею. Не пойму, чего мне хотелось больше – остаться и посмотреть, кто сидит внутри, или убежать подальше и спрятаться. Было что-то жуткое в этом

автомобиле, такие гости у нас впервые. К нам всегда приезжали красивенькие машины.

Ручища оперлась на дверцу «Вольво», и её обладательница вывалилась наружу, пыхтя и стеная. Казалось, сердце моё на несколько мгновений остановилось в груди. Воцарилась мёртвая тишина.

Это была горилла! Двухметрового роста, с круглым, как бочка, животом, чёрной бугристой головой, походившей на гигантскую грушу. Она была без рубашки, зато в поношенных панталонах – голубых и мятых под коленями. Горилла наклонилась и одёрнула штанины, так что они немного прикрыли ботинки.

Затем она скрестила лапы на груди и окинула взглядом «Лютик»: окошки на верхнем этаже, где располагалась большая спальня; земляной погреб, где хранились картошка и маринованные огурцы; вход в кухню, через который можно было пройти, если ты весь перепачканный возвращался из сада. Позади всего – уходящая вдаль кромка леса, ели, черневшие тревожной стеной. Горилла ещё немного постояла, созерцая этот пейзаж, затем перевела на нас взгляд потенциального покупателя.

Дети гурьбой хлынули к главному входу. А Герда так и осталась стоять, уставившись на гориллу, словно на привидение. Я развернулась, чтобы помчаться следом за всеми. Сердце бешено колотилось в груди, гравий хрустел под ногами. Прочь отсюда, скорее!

Но вдруг произошло нечто странное. Я остановилась – сама не знаю почему. Помню, как, замерев на месте, я думала: «Надо срочно уйти и спрятаться подальше, как все остальные».

Но я стояла как вкопанная… Спиной я чувствовала чужой взгляд – такой долгий и пристальный, что сопротивляться было невозможно. Сама того не желая, я медленно обернулась.

И встретилась взглядом с карими глазами гориллы. Она улыбнулась, обнажив огромные кривые зубы. Подошла ближе. Я словно окаменела.

И тут Герда грохнулась в обморок. Тихо простонав, она повалилась на спину и осталась лежать. Горилла наклонилась над ней и помахала лапами у неё над лицом. Герда тут же очнулась, вскочила и стояла пошатываясь, словно больной зяблик. Я пулей сорвалась с места и кинулась к дверям.

В большом коридоре лежали горой ботинки и сапоги. Я сбросила свою обувку и сломя голову полетела вверх по лестнице. На стенах аккуратными рядами висели старые чёрно-белые фотографии. В спальне царил переполох, как в курятнике. Дети носились по комнате и орали.

Я села на свою кровать, внутри заскрипели ржавые пружины. От страха сосало под ложечкой. До чего же отвратительный взгляд у этой гориллы!

«Герда никогда не позволит ей взять ребёнка, – думала я. – Никогда не отдаст ребёнка этой противной горилле».

– Ну что, Юнна, ты с ней разговаривала? – крикнул Арон. Рядом с ним на кровати сидели двое мальчишек – два брата, которые повсюду ходили хвостом за Ароном.

– Ты что, дурак?! – крикнула я в ответ.

– Нет, – сказал Арон. – Мало ли, вдруг ты решила, что вы друг другу подходите.

Черноволосые братья заржали, глядя на него с восхищением. Одному было пять, другому шесть лет, а наглости уже хоть отбавляй.

– Заткнитесь! – проворчала я и легла, отвернувшись к стене.

Арон тотчас подбежал к моей кровати.

– Думаешь, откуда у неё такое огромное пузо? – прошептал он.

Я обернулась:

– Откуда же?

– Хи-хи! – он с довольным видом вздёрнул свои белёсые брови. – Я о том, с чего эта горилла так растолстела.

– Понятия не имею! – ответила я. – Лучше скажи, с чего ты такой идиот?

Арон перестал лыбиться. Он задрал подбородок и вытаращился на меня.

– Уж я-то не дурак – понимаю, зачем эта мартышка сюда приехала, – многозначительно сказал он, похлопав себя по животу. – Вот почему она так разжирела. Ей нужны дети!

– Что-о? – спросила я и тотчас поняла, что у меня дико испуганный голос, хотя я изо всех сил пыталась храбриться.

– Ясно, как дважды два, – сказал Арон, пожав плечами. – Представляешь, сколько денег у такой толстухи ушло бы на мясо? – Он покачал головой. – Гораздо дешевле взять ребёнка из приюта.

У меня душа ушла в пятки. Но я тотчас опомнилась и хорошенько пихнула Арона в плечо.

– Кончай врать!

Арон затаил дыхание.

– Смотри, Юнна! – шепнул он. – Вон она!

– Хватит, – сказала я и тут же заметила, что все молча смотрят в сторону двери.

Я повернулась и увидела гориллу. Она подтянула свои застиранные панталоны. За её спиной появилась Герда, её лицо было красным, как помидор, а глаза метали молнии.

– Скажи спасибо, что мы с тобой тощие, – прошептал Арон. – Наверняка она выберет кого-то потолще…

– Так, – рявкнула Герда. – Почему все простыни лежат кучей во дворе, как в свинарнике? Что здесь за галдёж?

Никто не ответил. Герда перевела дух.

– Стройся! – скомандовала она.

Дети нехотя и с опаской выстроились в шеренгу. Я встала с самого края, втянула голову в плечи и попыталась выглядеть маленькой и недовольной. Коротышки с кислыми минами никому не нужны.

Герда шагнула вперёд.

– А теперь улыбочка! – рявкнула она. – И будьте повежливее, когда Горил… гм, когда дама к вам обращается.

Она испуганно взглянула на Гориллу. Та смерила её ледяным взглядом, а затем повернулась к нам. У меня колени дрожали от страха. Некоторые дети попятились, когда Горилла подошла ближе. Она была такая огромная! Лицо её было изборождено складками, как у бывалых моряков. Шерсть поблёскивала, будто её намазали маслом.

– А ну смирно! – зашипела Герда. – Ведите себя прилично!

Она страшно нервничала. Казалось, она готова предложить Горилле себя, если никто из детей её не устроит.

Горилла прогуливалась перед нами туда-сюда. Дойдя до меня, она остановилась. Я уставилась в пол и сгорбилась так, что спина чуть не треснула. Горилла не двигалась с места. Минуты тянулись, как вечность, стояла гробовая тишина.

– Юнна! – Герда наконец осмелилась открыть рот. Прежде чем подойти ко мне, она заискивающе посмотрела на Гориллу. – Руки у тебя грязные, как у свиньи, я же просила помыть! Может быть, у нас в «Лютике» объявили неделю свинства, а я об этом не знаю?

Горилла внимательно наблюдала за ней. Заметив это, Герда приободрилась.

– Как, по-твоему, чувствует себя дама, которая приехала навестить нас и наткнулась на такую замарашку, как ты? – рявкнула она. – Приятного мало!

Взгляд Гориллы стал озабоченным, и Герда, решив, что та на её стороне, продолжала выговаривать:

– Знаешь что? Придётся прикрыть тебя покрывалом от греха подальше, когда к нам в следующий раз кто-нибудь приедет. Ну что за кислая мина? Фу!

Я не знала, куда деваться. Слёзы обжигали глаза, все таращились на меня, как обычно.

Герда вздохнула и подбоченилась.

– Простите великодушно, милая дамочка, – сказала она Горилле. – Между нами говоря, этот ребёнок абсолютно безнадёжен. Она из тех, так сказать, от кого никогда не отделаешься. Живёт здесь с тех пор, как её младенцем

подбросили к нам на лестницу. За девять лет я так и не смогла её никому всучить.

Она нагнулась ко мне:

– Слышишь? Теперь ты понимаешь, почему тебе никогда отсюда не выбраться? Ты просто упрямая грязнуля!

Герда посмотрела на Гориллу с улыбочкой, словно говоря: уж мы-то с вами понимаем, как безнадёжно туп этот ребёнок. Горилла скрестила руки на огромном животе, затем кивнула в мою сторону.

– Я хочу её взять, – сказала она.

В шеренге послышались вздохи облегчения.

– Э… понятно, – сказала Герда, не зная, кому улыбаться – Горилле или мне. – Вот и хорошо. Тогда вам лучше пройти сюда.

Я стояла как вкопанная. В ушах у меня что-то сильно колотилось и булькало, и казалось, будто меня вот-вот вырвет прямо на пол.

– Ну что ж, – прошипела Герда, потянув меня за собой. Я ждала, что сейчас посыплются злорадные шуточки, раздастся гогот, Арон скажет что-нибудь в том духе, что мы с Гориллой друг другу подходим. Но никто не издал ни звука. Все стояли тихо, как мыши, а Арон весь побелел.

– Осталось оформить бумаги, – сказала Герда, направляясь к лестнице. – Пройдите ко мне в кабинет.

Она имела в виду мои бумаги, где написано, кто я, сколько мне лет и всё такое. Бумаги, которые Горилла должна подписать, чтобы забрать меня. Это было похоже на кошмарный сон. Мне хотелось развернуться и убежать в спальню, вцепиться мёртвой хваткой в кровать. Но ничего не вышло, пальцы Герды сжали мне плечо словно щипцы.

Горилла кивнула своей большой головой.

– Хрм, – кашлянула она и проковыляла вперёд. Она направилась в кабинет, а Герда подтолкнула меня, чтобы я шла следом. Горилла уселась в кресло. Она оглянулась по сторонам, и взгляд её остановился на старом чёрно-белом снимке, где была изображена Герда в молодости, когда она только поступила на работу в «Лютик». Этой фотографии было больше тридцати лет, но блестящие серёжки были у Герды уже тогда. Горилла посмотрела на снимок, затем на Герду.

– Да… Хе-хе-хе! – захихикала Герда. – Давно это было. Сто лет назад… – Она прямо не знала, куда деваться от волнения, – так ей хотелось поскорее закончить это дело. Поставив свою подпись, она передала бумагу дальше.

– Вот тут распишитесь, и всё, – сказала она.

Лапа у Гориллы была такая огромная, что с трудом удерживала тоненькую ручку. Она еле-еле вывела на бумаге кривыми буквами:

ГОРИЛЛА

Герда уставилась на подпись.

– Да-а, – пропищала она, сглотнув слюну. – Всё правильно. И, насколько я понимаю, вы забираете девочку с одеждой. За это ещё нужно доплатить сто крон.

Я посмотрела на свои тёмно-синие джинсы. Они были короткими и старыми. В приюте нам не выдавали новую одежду. У меня была белая кофта на кнопках, а на крючке в прихожей висела моя выцветшая жёлтая куртка. Подошвы сапог, валявшихся в куче обуви, истончились настолько, что с таким же успехом можно было ходить в одних носках.

Герда встала.

– Итак, – сказала она. – Дело сделано.

Так быстро у нас в «Лютике» ещё никогда никого не усыновляли – по крайней мере, на моей памяти. Хорошо, что другие дети не видели, как Горилла крепко взяла меня за руку и повела во двор. Герда шла за нами следом.

– Подождите! – прокудахтала она. – А как же вещи? – Она развернулась и исчезла в дверном проёме.

Солнце опускалось за горизонт. Лапа Гориллы была шершавой и жёсткой. К горлу подкатил комок. Мне хотелось умереть прямо на месте. Юнна? Это та, что умерла от ужаса прямо на лестнице? Вот тогда бы Герда пожалела о том, что сделала.

Но я осталась жива. Я стояла в лучах заходящего солнца, и за руку меня держала Горилла. Дорожку перегородила криво припаркованная «Вольво». Ну и драндулет! На ней небось и передвигаться опасно.

Горилла заметила, что я рассматриваю машину.

– Хрм, – прорычала она, вздёрнув кверху уголки губ. – Хочешь, научу тебя водить?

Я уставилась на неё, не зная, что сказать.

– Вообще-то… мне девять лет, – выдавила я наконец.

Горилла перестала улыбаться и смерила меня взглядом.

– Точно, – буркнула она. – Ты не достанешь до педалей. Ну и чёрт с ним.

Нас догнала запыхавшаяся Герда.

– Вещей, правда, немного, – сказала она, протягивая нам пакет с моей зубной щёткой и фарфоровым гномиком без руки. Герда бросила на меня недовольный взгляд. Я знала почему. Ей не нравилось, что я прибрала к рукам гномика. Она выкинула его накануне Дня Святого Кнута[1], потому что он был с отбитой рукой. А я достала его из помойки и взяла себе. Герда есть Герда. Она такая жадная, что ей даже мусора своего жалко.

На заднем сиденье у Гориллы валялись пустые пластиковые

бутылки, фантики, огрызки и разный мусор. Я уселась спереди, а Горилла плюхнулась на место шофёра. Под тяжестью её огромного тела кресло жалобно застонало, а крыша чуть не выгнулась из-за упиравшейся в неё головы.

– Ну что, погнали домой, – сказала она и завела машину.

Вскоре посёлок остался у нас за спиной, мы направлялись в город. С зеркала заднего вида свисали всякие фигурки и побрякушки. Мотор ревел так, будто на самом деле принадлежал трактору, а не машине.

Горилла была не слишком хорошим водителем. Машину мотало по всей дороге, и встречным автомобилям приходилось заезжать на тротуар, чтобы избежать столкновения. Пешеходы с криками шарахались в стороны, а если кто-то не спешил отойти, Горилла сигналила что есть мочи. Сигнал был очень громкий, он представлял собой коротенькую мелодию: «Тут-тут-туут-туттели-туууут!» Я зажимала руками уши, чтобы не оглохнуть.

Мы приближались к перекрёстку.

– Красный! – крикнула я.

– Надо подналечь! – гаркнула Горилла и нажала на газ.

В зеркале заднего вида промелькнул грузовик, въехавший в цветочную клумбу, чтобы не врезаться в нас. А Горилла погнала дальше как ни в чём не бывало.

«Если она остановится на заправке, я выпрыгну, – подумала я. – А там можно в Сибирь податься или в Гренландию, а может, ещё куда. Всё что угодно, только бы не жить с Гориллой. Приют и то лучше».

Но бензобак был полон. Мы просвистели через весь город и оказались в небольшом промышленном районе. Вдоль дороги стояли одинокие здания: пустынные и заброшенные фабрики, мастерские, гаражи, склады. На старой бензозаправке красовалась вывеска с большими буквами: «ЗАКРЫТО». Серый потрескавшийся асфальт, повсюду мусор – словом, печальное зрелище.

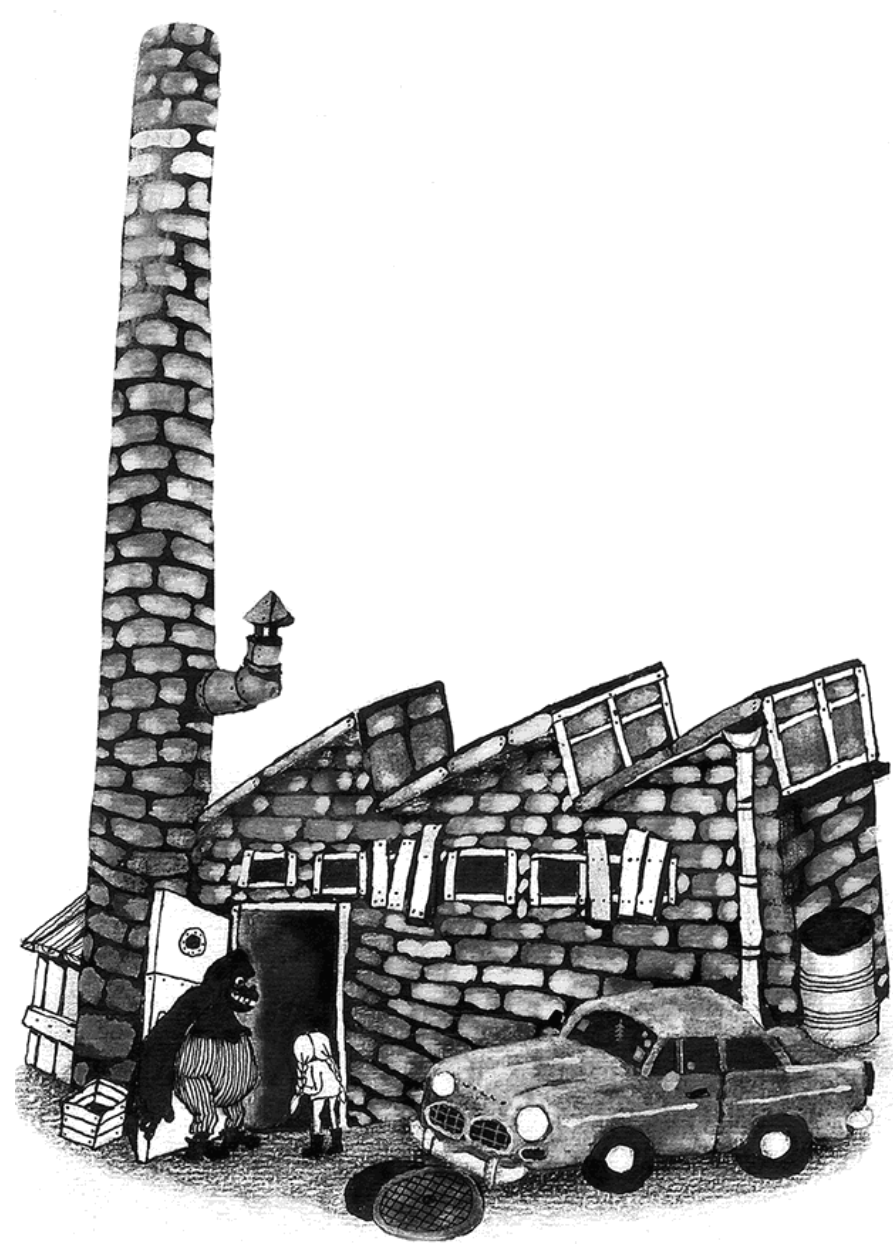
Тут и там торчали столбики с табличками. Вскоре я поняла, что такие таблички стоят почти возле каждого дома. Ярко-жёлтые, круглые, с красными надписями. Прищурившись, я попыталась разобрать слова, но Горилла ехала слишком быстро, буквы сливались. Машина свернула на узенькую грунтовку. Вдоль обочины устало свисали кусты сирени.

– Прибыли! – сообщила Горилла, затормозив.

Выйдя из машины, я тут же вляпалась в глину. Припарковались мы возле старого фабричного здания из тёмного кирпича. Крыша была похожа на спину ежа или зубастую пасть. Высокий круглый дымоход устремлялся в серое небо. На фасаде длинной стены был расположен ряд узких окошек. Стёкла в них

по большей части были выбиты, а рамы забиты досками. Под окнами находилась большая дверь, крытая листовым железом. Тоненькая и ржавая дверная ручка скрипнула под тяжестью огромной лапы. Горилла пропустила меня вперед.

– Хрм, – хмыкнула она, состроив гримасу наподобие улыбки. – Прошу!



Прямо возле двери я наступила на пачку с маслом.

– Ой, – удивилась Горилла, нагнувшись. – Зря я его здесь положила.

Она передвинула пачку на двадцать сантиметров вправо, сбросила сапоги и вошла.

Жилище Гориллы состояло из одной большой комнаты. На полу лежал огромный ковёр с восточными узорами. В углу стояла провисшая кровать на кривых ножках. Рядом громоздились полки, сверху донизу уставленные книгами. На полу возле кровати тоже высились кучи книг. Неподалёку покоилось дутое кожаное кресло для чтения. В стене была дверь чёрного хода.

В другом конце комнаты располагалась кухня со старой дровяной плитой и кирпичной трубой до самого потолка. На плите стояли горы немытых кастрюль, ковшей и котелков с половниками, мисок, сковородок и даже пара цветочных горшков с розовой геранью.

На обеденном столе лежала автомобильная дверца с опущенным стеклом. Рядом стоял большой красный деревянный стул с рваным сиденьем, а рядом с ним – стул поменьше, свежевыкрашенный в ярко-зелёный цвет. На мойке приютились телевизор с разбитым экраном и пылесос с отвалившимся колесом. Пылесосный шланг свисал вниз.

«С ума сойти! – думала я. – Меня усыновила не просто обезьяна, но редкостная неряха. Видела бы Герда этот беспорядок, сразу бы в обморок грохнулась».

Горилла прокашлялась.

– Хрм. Можешь распаковывать вещи, – сказала она и скрылась за кирпичной трубой. Там висел полосатый красно-бело-синий гамак в грязных пятнах. Он крепился между стеной и трубой, над светло-зелёной тумбочкой. Горилла порылась в стоявшей на полу картонной коробке. Достала одеяло с узором из пряничных сердечек и дала его мне.

– По-моему, гамак – это здорово! – улыбнулась она, как будто гамак был невообразимой роскошью. – Он совсем не скрипит. Я из своей кровати убрала все пружины, ненавижу скрип.

Повисла мучительная пауза. Горилла неловко переминалась с ноги на ногу.

– Ну что… Когда будешь распаковывать вещи? – спросила она.

– Не надо меня понукать! Я сама решу, когда мне что делать.

Это подействовало. Горилла растерянно осмотрелась и почесала подбородок.

– Пойду схожу в сортир, – сказала она и исчезла через чёрный ход.

Её долго не было. Я уже успела забраться в гамак и, когда она на цыпочках вернулась в комнату, закрыла глаза, притворившись спящей. Я чувствовала её дыхание на своих волосах. Затем она тихонько протопала к креслу. Я слушала, как она перелистывает страницы. «Небось, читает кулинарную книгу, – думала я, замирая от ужаса. – “Сто рецептов деликатесных блюд из маленьких сироток”». Я так и видела перед собой Арона. Как он ехидно лыбится, поглаживая живот.

«Так и есть, – думала я. – У неё явно не все дома. А в этой дыре никто не заметит пропажи ребёнка, тут и дюжина детей могут исчезнуть бесследно. Наверное, у этой Гориллы полный чулан скелетов».

Заснуть с такими тяжёлыми мыслями было нелегко. Чем больше я думала, тем сильнее убеждалась в том, что она сидит в своём кресле и ждёт, пока я усну. А потом тотчас разожжёт печь.

Надо мной, в потолке, напоминавшем зубастую пасть изнутри, зияли окна. Я смотрела на звёзды, но, как только я слышала скрип кресла, внутри всё сжималось. Ну вот, сейчас начнётся. Если она подойдёт, я кинусь бежать.

Но время шло, а Горилла не вставала с кресла. Она сидела там час за часом, перелистывая страницы. Под конец я сдалась и уснула.

Разбитое окно

Проснувшись на следующее утро, я неподвижно лежала и слушала шипение, доносившееся из кухни. Шипело масло. Внутри у меня похолодело. «Всё кончено, – думала я. – Сейчас она меня съест».

Я осторожно повернула голову. Гориллы не было видно, но я слышала грохот кастрюль. Очень медленно я опустила ногу на пол и выбралась из гамака. На тумбочке стоял мой гномик, а в выдвижном ящике лежала зубная щётка. Я тихонько положила их в пакет и прислушалась. На кухне всё так же мирно позвякивала посуда.

Я на цыпочках прокралась к двери, возле которой стояли мои сапоги. Сердце бешено колотилось в груди. Надев сапоги, я дотронулась до холодной дверной ручки.

Заперто. В тот же миг у меня за спиной послышался голос Гориллы:

– Ах вот ты где, ранняя пташка! Туалет у нас во дворе.

Я повернулась и застыла от ужаса.

Горилла стояла подбоченившись, с широчайшей улыбкой от уха до уха.

– Возвращайся скорей, завтрак уже готов.

Я покачала головой:

– Что-то мне расхотелось, потом схожу.

– Окей! – пробормотала она. – Тогда пошли есть.

Завтрак состоял из бутербродов с яичницей и выдохшегося лимонада. Когда мы поели, Горилла рыгнула так, что посуда на столе вздрогнула.

– Ох, до чего ж сытные эти яйца! – пробурчала она, смущённо глядя в пол. – Ну что ж, хватит бездельничать, пора за работу! – Она вскочила так, что стул опрокинулся.

Надев кепку с изображением собачьей пасти, Горилла распахнула дверь на задний двор.

– Ты со мной? – спросила она, улыбнувшись своей чудовищной улыбочкой.

Я задумалась. Тут нужно было соображать быстро.

– Да, – ответила я. – Скоро приду. Вот только умоюсь и косички заплету.

Горилла показала большой палец и удалилась. Как только дверь захлопнулась, я побежала в чулан.

Скелетов там не было – во всяком случае, я их там не обнаружила. Я нашла там самые обычные вещи, которые можно встретить в любом чулане. А ещё там была куча

необычного барахла: радиоприёмники, винты от лодочных моторов, несколько сломанных лыж и чайник.

«Нормальный человек сломанные лыжи в чулане хранить не станет», – подумала я и закрыла дверь.

Я осмотрелась вокруг. Всё же надо проверить, правду ли сказал Арон. Неужели Горилла ест детей? И где мне искать доказательства?!

С заднего двора послышался грохот.

Я поспешила к двери и немножко приоткрыла её.

В глине лежала гора железяк и прочего хлама. Горилла отбросила в сторону длинный шланг, тянущийся от дома, и встала на колени перед огромным чаном с водой. Я пристально наблюдала за ней: что она делает?

Тут внутри у меня похолодело – я всё поняла. Это был не чан, а огромная кастрюля. Она стояла на четырёх ножках, внизу была дверца, а наверху – дымоход. В дверцу Горилла покидала бумагу и щепки, затем разожгла огонь. Вскоре внутри разгорелось пламя.

Я в ужасе бросилась в дом. Если хочешь остаться в живых, надо уносить ноги. Я помчалась к входной двери, дёрнула ручку, но она не поддавалась!

Дыхание спёрло, спина покрылась потом, слёзы застилали глаза. Я уже видела, как Горилла опускает меня в кипящую воду,

а я кричу и брыкаюсь. И вот уже через час аппетитный супчик дымится на столе, Горилла обгладывает маленькую косточку, думая о том, что надо было выбрать ребёнка потолще. Да ни за что! Я просто так не сдамся! Как же мне отсюда выбраться?

Я посмотрела на окошки над дверью. Вон то, с разбитым стеклом, в самый раз, только бы до него добраться.

Я обвела взглядом комнату. Кухонные стулья слишком низкие… Кресло! Если встать на спинку, то я достану. Я пролезла за кресло и стала толкать его, упираясь спиной в стенку.

Кресло было как бетонное, словно вросло в пол. «Миленькое креслице, сдвинься, пожалуйста!»

– Юнна! – кричала Горилла со двора. – Иди-ка сюда, я тебе кое-что покажу!

Наконец кресло начало поддаваться. Казалось, я толкала его вперёд ударами сердца – и вот оно уже под окном.

– Юнна! – раздался голос Гориллы за дверью. – У тебя всё в порядке?

Я взобралась на спинку кресла. Едва я схватилась за подоконник, дверь скрипнула.

– Что ты делаешь?! – завопила Горилла, одним прыжком оказавшись у окна.

Я попыталась выпрыгнуть в окно, но в тот же миг почувствовала, как её большие лапы схватили меня за щиколотки. Горилла затащила меня обратно.

– Нет! – заорала я, и слёзы брызнули из глаз. – Не надо!

Уворачиваясь от моих пинков, Горилла крикнула:

– Ай! Ну-ка успокойся!

– Пусти! Пусти меня! – сопротивлялась я.

Горилла разжала хватку, и я шлёпнулась в кресло.

Скрестив лапы на груди, она строго сказала:

– Без спросу уходить нельзя, понимаешь?! Я подписала бумаги, а это значит, что я теперь за тебя отвечаю. Мало ли, что там может случиться! Сама подумай.

– Не ешь меня, пожалуйста! – сказала я, закрыв лицо ладонями.

– Чего? – Горилла уставилась на меня во все глаза.

Я замешкалась.

– Арон из «Лютика» сказал, что ты ешь детей… – сказала я, посматривая на неё сквозь щёлку между пальцами. И тотчас поняла, как глупо это прозвучало. – Не знаю, правда ли это, но он так сказал.

Горилла наморщила лоб, как гармошку.

После долгого молчания она хмыкнула.

– Да не собиралась я тебя есть, чушь какая. Ты и так настрадалась. Ну что, теперь мыться или будем только разговоры разговаривать?

– Что? – переспросила я.

Она кивнула в сторону заднего двора.

– Я тебе воду для мытья подогрела. Но не хочешь мыться – я её вылью.

Горилла взяла старую доску, гвозди и молоток и принялась заколачивать разбитое окно. Покончив с этим, она двинулась на задний двор, не глядя в мою сторону.

Но прежде чем уйти, она обернулась. Губы её были плотно сжаты, а глаза сузились в щёлочки.

– У меня здесь вовсе не так плохо, как можно подумать, – сказала она, опустив взгляд. – Мне здесь нравится.

Горилла ушла, а я осталась сидеть в старом кресле. Мне вдруг стало ужасно смешно. В ушах звучали слова: «Не ешь меня, пожалуйста!» Надо ж такое сказать! Ну а что ещё я могла подумать при виде того огромного чана?!

Вообще-то во всём виноват Арон. Ну и достанется же ему за все эти выдумки, если мы когда-нибудь ещё встретимся. Я ему такое устрою!

Велосипед

На следующий день Горилла сказала мне быть рядом, пока она работает.

– Если ты опять попытаешься смыться, отвечать придётся мне, – сказала она. – А во дворе я смогу за тобой присматривать.

Она раскрыла дверь на задний двор, строго глядя на меня. Я натянула свою жёлтую куртку и почапала вперёд по грязи.

Двор был окружён высоким деревянным забором. Слева располагалась маленькая шаткая уборная с красными стенами. Справа – большие ворота из стальной сетки. На земле валялись кресла, раковины, таблички, рулоны колючей проволоки, холодильник, две посудомоечные машины, коробки со всякими проводами и шлангами, шкафы, запчасти автомобилей, руль велосипеда, треснутые финские санки, половина мопеда, спинки кроватей, кривые лестницы, книжные полки – чего там только не было!

Горилла нагнулась и подняла холодильник. Протерев его лапой, она достала из кармана пакет. В пакете оказалась маленькая клейкая бумажка и ручка. Она приклеила бумажку на холодильник и криво написала на ней «200 крон». Затем Горилла обернулась ко мне.

– Вот так, – сказала она. – У нас с тобой есть своя фирма. Мы продаём утиль.

Я нисколько не удивилась.

Значит, у Гориллы на заднем дворе находится городская свалка, куда свозится хлам всех сортов. Каждый день люди приносят сюда ненужные вещи, чтобы от них отделаться, а другие люди, наоборот, покупают их, потому что они по каким-то неведомым причинам им нужны. Всё, что требуется от Гориллы, – оценить эти вещи и положить выручку в кассу, в роли которой выступала коробка из-под обуви.

– Миллионы на этом не заработаешь, но и на паперти клянчить не приходится, – сказала она.

Я подумала о том, не написать ли в приют. Послать, например, такую открытку: «Дорогие все! Я живу с обезьяной на свалке. Надеюсь, в один прекрасный день вы будете так же счастливы, как и я. Целую и обнимаю, Юнна».

В тот же день Горилла научила меня делать ценники.

– Если вещь сломана, она должна быть дешёвой, – сказала она, показывая сломанную удочку. Катушка сидела криво и наматывала только три четверти лески. Горилла попробовала

помотать взад-вперёд.

– Но ведь работает! Двадцать пять крон, – сказала она, протягивая удочку мне. Я приклеила ценник и старательно вывела на нем: «25 крон».

Н-да, выглядело это сомнительно.

– Отлично, – сказала Горилла. – Это дёшево. Кто-нибудь её скоро хапнет и будет думать, что ему дико повезло. А когда придёт время расплачиваться, надо удивлённо посмотреть на ценник. Ой-ой-ой! Прошу прощения, но, должно быть, это ошибка. Меньше чем за пятьдесят крон я её продать не могу. – Горилла развела руками. – И тогда покупатель выкладывает пятьдесят крон, потому что успел поверить в свою удачу и не хочет с ней расставаться. Это и есть бизнес, детка.

Она прошагала вглубь двора и принесла оттуда маленький красный велосипед.

– Хм, да он как новенький, – сказала она, покрутив переднее колесо.

Тут я с ней согласиться не могла. Это был велосипед марки «Кресцент», ржавый, с погнутым багажником.

Горилла почесала подбородок. Затем взглянула на меня.

– Нравится?

– Нет.

Она отодрала от рамы лоскутки полопавшейся краски.

– Ездить умеешь?

Я покачала головой.

– Неа. Велосипеды – это скучно.

Я украдкой посмотрела на Гориллу. В приюте велосипед был только у Герды. Нам никогда не давали покататься, потому что, если велосипед часто использовать, он износится и потеряет товарный вид.

Горилла поставила маленький красный велосипед в глину.

– Это тебе, – сказала она. – Учись. Он тебе в самый раз.

Ноги у меня вдруг стали лёгкими и невесомыми. Казалось, я могу подпрыгнуть и взлететь. Уголки губ сами собой растянулись в улыбке.

Горилла была довольна.

– Нет, – вдруг ответила я, приклеивая на руль ценник. – Сколько он стоит?

Горилла удивилась.

– Хрм, – пробормотала она. – Ну, пусть будет сто крон. С руками оторвут.

– Вот и хорошо, – сказала я.

– Вот и хорошо, – сказала Горилла.

Время от времени кто-то заходил к нам на задний двор,

чтобы купить утиль. Горилла каждый раз разыгрывала спектакль про ошибку на ценнике. Мужчина в рабочем комбинезоне хотел купить холодильник за двести крон.

Горилла хлопнула себя по лбу.

– До чего скверный почерк! – простонала она. – Что поделаешь, анатомия! – Горилла растопырила свои огромные чёрные лапы у него перед носом. – Как начну писать, одни каракули получаются. Понимаете, господин, на самом деле там написано: «Триста пятьдесят крон».

Мужчина засомневался, цена показалась ему слишком высокой. Но, немного подумав, он всё-таки купил холодильник, потому что уже успел свыкнуться с мыслью, что это его вещь.

Так продолжалось весь день. Торшер, на котором было написано: «35 крон», продался за девяносто девять. Велосипедный насос ушёл за сорок вместо двадцати крон, значившихся на ценнике. Половину печатной машинки купили за её настоящую цену – сто крон. Зато вторая половина, напротив, возросла в цене до двухсот пятидесяти, хотя с самого начала продавалась в придачу к первой.

После обеда я занялась сортировкой отвёрток. И тут пришла дама в клетчатых брюках и остроугольных очках, похожих на птичьи крылья. Она прямиком двинулась к маленькому красному велосипеду.

Я прикусила губу. Хоть я и сказала, что он мне не нужен, но всё-таки. Как будто дама хочет забрать то, что уже немножечко принадлежит мне. Горилла посмотрела на меня выжидающе. Но, если я попрошу не отдавать велосипед, она сразу возомнит о себе невесть что. И я сделала вид, что мне всё равно.

Тогда Горилла, прищурившись, посмотрела на ценник с надписью: «100 крон».

– Похоже, там написано: «150».

– Отлично, беру, – сказала дама, доставая маленький кошелёк.

– Нет! – буркнула я.

Дама приподняла брови.

– Что? – переспросила она с глупым видом. Горилла уставилась на меня, сложив лапы на груди, а дамочка выудила из кошелька нужную сумму.

– Нельзя ли поторопиться? Это велосипед для моего внука. Плачу наличными.

Я тихонько ойкнула. Горилла внимательно посмотрела на меня. Глаза её сузились. Чёрный лоб покрылся складками, а нижняя челюсть выдвинулась вперёд.

– Понятно! – гаркнула Горилла, стукнула себя кулаком

по ладони и издала страшный вопль: – Аррррр! Не сойти мне с этого места!

Дама перепугалась. Нервно сглотнув, она попятилась назад. Горилла грозно посмотрела на меня сверху вниз. Острые клыки поблёскивали в пасти.

– Опять с ценниками баловалась? – взревела она.

Я похолодела от ужаса.

– Не-ет… – робко ответила я. Но Горилла заговорщически подмигнула мне.

– Тс-с, – прошептала она и продолжила другим голосом, вне себя от гнева: – Не пытайся увиливать! Какое безобразие! – Горилла обернулась к даме, которая внимала ей, дрожа от страха. – Прошу прощения! – фыркнула она, бешено вращая глазами. – Этому ребёнку ничего нельзя поручить, вечно всё перепутает!

Наконец я начала понимать, к чему она клонит.

– Ага, это я случайно. На самом деле он стоит пятьсот крон.

– Вот именно! – проревела Горилла. – Пятьсот!

Дама поспешно достала пятьсот крон и дрожащей рукой протянула их Горилле, которая размахивала в воздухе кулаками, как настоящий Кинг-Конг.

– Возьмите, пожалуйста, – пролепетала дама.

Горилла сделала вид, что она совсем сбита с толку.

– Э-э, – растерянно проговорила она. – Глупая девчонка! Я тебе сказала пять тысяч, а не пятьсот! – она высморкалась и пробормотала недобрым голосом: – Вот отправлю тебя ночевать в сортир, будешь знать!

– Конечно, – ответила я, еле сдерживаясь от смеха. – Извините. – Я жестом показала даме, что пора уносить ноги. – Бегите! – прошептала я. – Спасайтесь, а я о себе позабочусь!

Дама кивнула и, бросив на нас перепуганный взгляд, припустила со двора.

Горилла усмехнулась, а я повезла велосипед в дом. «Вовсе он мне не нужен, – думала я. – Но нечего продавать мои вещи».

Отставить панику на «Титанике»!

В уборной были обои с узором из пионов. Клеила обои сама Горилла, поэтому цветы смотрели вкривь и вкось. На стенах висели постеры – в основном фотографии королевских особ, только на одном был изображён тонущий корабль. «Отставить панику на “Титанике”!» – гласила надпись под картинкой. На задранной к небу корме, вцепившись в канат, стоял какой-то бедолага. Скоро он утонет вместе с «Титаником».

Однажды утром я сидела в уборной среди пионов и рассматривала афишу с «Титаником». Во дворе Горилла поливала из шланга старую тачку, тихонько урча себе под нос. Она частенько что-нибудь напевала. Узнать песню было невозможно, но мне нравилось.

Я покачала ногой. Хочу – здесь сижу, а хочу – пойду смотреть на Гориллу и старую тачку.

Я вспомнила про велосипед, стоявший в доме. Но тут же прогнала эту мысль. Пусть стоит, где стоит.

К дому подъехал автомобиль. Горилла что-то пробормотала и пошла выключать воду. Дверца автомобиля открылась и снова захлопнулась. По глине прошлёпали чьи-то шаги.

– Хрм-хрм, – громко прокашлялась Горилла. – Вообще-то парковка у нас с другой стороны.

У входа шаги затихли.

– Вот как? – удивился мужской голос. – Я думал, с другой стороны у тебя глиняное месиво, а здесь – парковка.

Горилла фыркнула.

Мужчина прошёлся по двору.

– Крыша продолжает проседать, – сказал он. – Того и гляди, на голову свалится. Ремонт будет стоить целое состояние.

– Пф, – отмахнулась Горилла. – Я вообще-то занята, тачку мóю. Что ты хотел?

– А ты как думаешь? – спросил мужчина. – Может, я приехал, чтобы испачкать ботинки?

– Хрм! – злобно хмыкнула горилла. – Если ты опять о своём, то убирайся восвояси. Я уже всё сказала.

– Ну-ну-ну, – надменно ответил мужчина, как будто Горилла была маленьким ребёнком, который не способен за себя отвечать.

Я тихонько сползла на пол. Буду сидеть здесь, пока он не уйдёт. Что-то в нём было неприятное, особенно его фальшивое спокойствие.

Шаги стихли.

– Мы же договорились не ссориться, – сказал мужчина. –

Ты получишь вдвое больше, чем стоит твоя хибара. Вдвое! Аттракцион неслыханной щедрости!

– Ха! – ухмыльнулась Горилла. – Ты ошибаешься, мой участок стоит гораздо дороже. И мне нет дела до того, сколько ты заплатил другим – наверняка им этого едва хватило на переезд.

– Не лезь в чужой бизнес, – сказал мужчина. – Подумай лучше о своём собственном, когда тебе делают такое выгодное предложение.

– Мой бизнес – это утиль! – решительно заявила Горилла. – Участок вы у меня не отнимете, это я тебе сто раз говорила. А теперь проваливай, мне надо заниматься тележкой. Приём посетителей окончен!

Наступила тишина.

– Как знаешь, – сказал мужчина немного погодя, но теперь его голос звучал совсем не спокойно, в нём слышалась ярость. – В один прекрасный день ты закроешься навсегда.

– Пф! – фыркнула Горилла. – Только не надо мне угрожать.

– Ну-ну, – ответил мужчина.

Шаги зачмокали в сторону ворот. А мне ужасно захотелось посмотреть на этого дядечку, пока он не ушёл. Я осторожно приподняла крючок, чтобы выглянуть в щёлку. Но руки у меня были потные и тряслись, крючок выскользнул и звякнул о дверь.

Шаги замерли.

– Кого ты там прячешь? – спросил мужчина.

Горилла замешкалась, но потом ответила:

– Никого.

Мужчина направился в мою сторону.

– Это просто замок в сортире стучит от ветра. Надо воткнуть туда щепку. Ты вроде собирался уходить.

Только я хотела запереть дверь, как её распахнули.

Я увидела перед собой строгое вытянутое лицо со впалыми щеками. Брови были жёсткими и густыми, а глаза – узкие щёлки. Острый нос и маленький подбородок. На мужчине были коричневый костюм и шляпа.

Он пристально посмотрел на меня и, казалось, не особо удивился. Скорее, задумался. Растянул сухие губы в улыбке, показав длинные жёлтые зубы.

– Привет! – сказал он сладким голосом. – Ты кто?

Я сглотнула, не в силах вымолвить ни слова.

Горилла большими прыжками прискакала ко мне.

– Оставь её в покое! – сказала она. – Забудь о ней! – Горилла встала между мной и мужчиной. – Ну-ка проваливай!

Мужчина попятился, не сводя с меня взгляда. Мне стало не по себе от его маленьких мутных глазок. Почему он так

улыбается?

Горилла вытесняла его своим большим животом, под конец он чуть не свалился на землю.

– Успокойся! – прошипел он. – Уже ухожу!

– Вот и прекрасно, – сказала Горилла. – И приходи сюда, только если захочешь купить утиль, про остальное даже не думай.

Мужчина развернулся и двинулся к автомобилю. По виду это была дорогая иномарка. На стекле красовалась ярко-жёлтая наклейка. Улыбнувшись мне в последний раз, он сел в машину и завёл мотор. Грязь брызнула из-под колёс.

Насвистывая, Горилла принялась перебирать инструменты в ящике.

– Кто это? – спросила я.

Она пожала плечами, словно мы говорили о какой-то ерунде.

– Да так, один тип… Зовут Турд. Турд Фьюрдмарк. Опять приезжал клянчить мой участок.

Она сосредоточенно перекладывала в коробке рубанки.

– Зачем он ему?

– Что зачем? – Горилла посмотрела на меня так, будто не поняла, о чём идёт речь. – А, ты про этого! Он хочет его застроить. Турд работает в местной управе, и они там решили, что на этом месте надо построить бассейн. – Она снова фыркнула своим большим чёрным носом. – Хотят заработать много денег. Всех моих соседей им удалось обмануть. Видишь, хибары кругом стоят пустые и ждут, когда их затопят. А мой участок находится посерёдке, и я под их дудку плясать не буду. – Горилла улыбнулась, словно в мире не было никаких проблем. – Не бери в голову.

Я подождала, не скажет ли она что-нибудь ещё. Но Горилла посмотрела на уборную и сменила тему:

– Ты забыла закрыть дверь.

По дороге к уборной у меня засосало под ложечкой. Лицо Турда так и стояло перед глазами. Его улыбка и впившийся в меня взгляд мутных глаз.

На стене в уборной висела афиша с «Титаником».

«Отставить панику на “Титанике”», – тихонько сказала я, закрывая дверь на крючок. Я немного посидела на улице, греясь на солнышке. Скоро мы будем завтракать бутербродами и яичницей.

Новый наряд для Гориллы

Красный велосипед так и стоял у стены. Я к нему не прикасалась. Иногда Горилла посматривала на него, потом на меня, словно ждала чего-то. Однажды утром, когда я вышла к завтраку, она бросила на меня хитрый взгляд.

– Доброе утречко!

– Привет! – ответила я, усаживаясь за маленький ярко-зелёный столик.

Би-ип! – я взлетела к потолку так, будто меня подбросило пружиной.

– А-ха-ха! Ну что, не ожидала? – захохотала Горилла, хлопая себя по коленям.

Я схватила штукенцию, лежавшую на стуле. Это был клаксон с чёрной резиновой грушей и блестящим рупором.

– Что это? – буркнула я.

– Ничего особенного! – ответила довольная Горилла. – Обычный велосипедный клаксон, я нашла его в одной из коробок со старьём и смазала машинным маслом, – Горилла пошевелила косматыми бровями. – Если хочешь, могу прикрутить его к велику, – сказала она, накладывая яичницу мне в тарелку.

Я переложила яичницу на хлеб – прямо руками. Видела бы Герда!

– Прикрути, если есть время, – сказала я с набитым ртом немного погодя. – Мне-то что, я всё равно не собираюсь на нём кататься.

– Хрм, – недовольно хмыкнула Горилла и закусила таким же бутербродом с яичницей.

Доев, она осушила свой стакан с газировкой и брякнула им об стол.

– Ну что ж, – сказала она, поднявшись. – Как поешь, обувайся и прыгай в машину.

Я посмотрела на неё:

– Зачем в машину? Мы куда?

– В город, – ответила Горилла, ковыряясь в зубах старым гусиным пером. – Дела, понимаешь ли.

Она переоделась и сбросила свои ужасные башмаки. Панталоны сушились на ветке.

Я доела всё до последней крошки. Значит, едем в город. Вообще-то мне совершенно не хотелось показываться там вместе с Гориллой. Не хочу, чтобы люди знали, что я её дочь.

– Знаешь, – сказала я. – Что-то у меня живот разболелся. Я, пожалуй, останусь дома.

Горилла погрозила мне пальцем.

– Так дело не пойдёт. Если я тебя оставлю, ты опять попытаешься смыться. А я за тебя отвечаю, хочешь ты того или нет. Так что вперёд!

Я выползла из-за стола и засунула руки в карманы.

Горилла нацепила на себя кепку.

– Зайдём в аптеку и купим тебе лекарства от живота, – сказала она, глянув на меня так, будто не верила ни единому моему слову.

Мы запрыгнули в зелёный «Вольво», мотор взревел, и мы рванули с места на бешеной скорости. На перекрёстке нас занесло, и машина крутанулась вокруг своей оси. Мы пронеслись по пешеходному мостику и на переходе чуть не сбили какую-то несчастную тётеньку.

На въезде в город Горилла проскочила мимо парковки. Но быстро сделала полицейский разворот и втиснулась между двумя новенькими красивыми автомобилями. Мы вылезли из машины и пошли по улице. Вдоль дороги высились четырёх– и пятиэтажные дома самых разных цветов. Дома были каменные, в пригороде я таких не видела. Наш приют был деревянным и состоял всего из двух этажей. А дом Гориллы – вообще из одного, хотя и с высоким потолком.

Все прохожие таращились на Гориллу. Некоторые морщили нос. Я старалась идти немного поодаль, как будто мы не вместе. Но Горилла шагала по улице как ни в чём не бывало. Наверное, ей не привыкать.

– Нам сюда, – сказала она, повернув на маленькую улочку с узкими стоящими вплотную друг к другу домами. Она дёрнула одну из дверей – дверной колокольчик дзынькнул.

Мы оказались в тёмной комнатке с тусклым освещением. Кругом были полки, снизу доверху уставленные книгами; пахло пылью и старой кожей. Взгляд у Гориллы подобрел, глаза заблестели. Она осмотрелась вокруг, зажмурилась и глубоко вдохнула.

– Знаешь, где мы? – спросила она.

Я помотала головой.

– В «Букинисте». Это такой магазин, где продаются книги. Старые книги. Смотри! – Она подошла к одной из полок и показала на пожелтевшую табличку, где было что-то написано от руки. – Биографии, – прочитала Горилла. – На этой полке стоят биографии. Это истории разных людей. А здесь – всё о цветах. А вон там стоят книги по истории. – Она посмотрела на меня. – Знаешь, мне гораздо больше хотелось бы работать в «Букинисте».

Горилла сообщила это таким тоном, будто открыла мне

страшную тайну. Своими неуклюжими чёрными пальцами она вытащила с полки книгу с красным корешком.

– Гораздо больше, чем продавать утиль. Но в нашем промышленном районе это никому не нужно. Почему-то книги продать сложнее, чем утиль, – она вздохнула. – А мне бы так хотелось…

– Ага, наконец-то ты к нам пожаловала, – сказал чей-то голос.

Маленький седой человек в мешковатых брюках вышел из-за полок. Он, прищурившись, посмотрел на Гориллу сквозь маленькие грязные очки и прошаркал в нашу сторону. – Давненько тебя не было, – сказал он тонким голосом и улыбнулся.

– Хе-хе, – засмеялась Горилла. – Как видишь, у меня были важные дела. – Она посмотрела на меня и гордо приосанилась. – Вот эта малютка теперь живёт у меня.

Старичок прищурился ещё сильнее и стал меня рассматривать. Лицо у него было морщинистое и всё в родинках.

– Ах вот оно что, очень приятно, – сказал он. – Худая как спичка. Ну что ж, были бы кости, а мясо нарастёт.

Я смутилась и промолчала. Герда постоянно сетовала, что я слишком худая. Горилла, похоже, тоже немного растерялась.

– Я кое-что нашёл для тебя, – продолжал старичок, проковыляв за прилавок. Он достал толстую пыльную книгу. – «Приключения Оливера Твиста». Первое шведское издание. Все страницы на месте.

Горилла в восхищении провела рукой по ссохшейся обложке.

– Значит, достал всё-таки, – улыбнулась она. – Ну и ну!

– Да, я дорого за неё заплатил, так что… Боюсь, она и тебе обойдётся недёшево.

– Правда? – Горилла обеспокоилась. – И… сколько же ты за неё хочешь?

Старичок немного помедлил.

– Э-э… пятьсот.

– Сколько? – вздрогнула Горилла.

– Но тебе уступлю за четыреста, – поспешно сказал старичок. – Ниже я опуститься не могу, иначе это будет себе в убыток.

– Четыреста крон? – пробормотала Горилла.

Старичок смущённо уставился на прилавок.

– Если не можешь заплатить сейчас, я отложу её для тебя на неделю.

Горилла была в отчаянии. Она блестящими глазами смотрела на старую пыльную книгу и сглатывала.

Потом она решительно помотала головой.

– Нельзя мне сорить деньгами, теперь ведь надо двоих кормить. Но все равно спасибо. – Горилла развернулась и с траурным видом пошла к двери.

Я стояла на месте, задумчиво прикусив губу.

– Слушай, по-моему, тебе надо купить эту книгу, – вырвалось у меня.

Не знаю, почему я это сказала. Возможно, потому, что я никогда не видела, чтобы кто-то радовался так, как радовалась Горилла, войдя в «Букинист». Наверное, мне самой захотелось бы купить этого «Оливера Твиста», если бы я сходила с ума по книжкам.

Она удивлённо взглянула на меня и, казалось, не могла подобрать нужные слова.

– Да, но это баснословные деньги… – сказала она.

Я закатила глаза и вздохнула.

– Купишь ты её наконец или нет?! Мне что, весь день здесь стоять?

Горилла кивнула.

– С удовольствием! – сказала она и поспешила к прилавку. Старичок улыбнулся и подмигнул мне.

Когда мы снова вышли на узкую улочку, Горилла сияла, как медный таз. Она заглянула в пакет с покупкой.

– Ты права, – сказала она. – Такой случай нельзя упускать. Хорошо, что я её купила.

Был холодный и по-осеннему ясный день. Над нашими головами простиралось синее небо. Горилла чапала к площади.

– Сейчас мы тебя чем-нибудь порадуем, – решительно сказала она. – Иначе будет несправедливо. Чего бы тебе хотелось?

– Мне ничего не надо! – в ужасе воскликнула я. – У меня всё есть. Поехали домой!

Но Горилла не хотела даже слышать об этом. Она взяла меня за руку и потащила туда, где было больше всего народу.

– Ты не представляешь, сколько здесь магазинов! – сказала она. Мы прошли мимо кондитерской, киоска со сладостями, «Детского мира» с куклами на витрине и магазина, где продавались краски, кисти и всё для рисования. – Выбирай любой!

Мне ужасно хотелось зайти в эти магазины и посмотреть на куклу, на пирожные и на всё остальное, но я сразу представляла, как люди будут на нас таращиться. Сначала на Гориллу, потом на меня, потом опять на Гориллу. Да я сквозь землю провалюсь!

– Пошли сюда! – я бросилась в первый попавшийся магазин, только чтобы скрыться от этих взглядов.

Горилла проковыляла за мной.

– Вот это скорость! Что-нибудь присмотрела?

Мы вошли в магазин одежды. На полу лежали длинные мягкие ковры, элегантные продавщицы улыбались посетителям.

– Ага, – развязно брякнула Горилла, – любишь шмотки? Тогда выбирай.

Я обвела взглядом прилавки с аккуратно сложенными кофточками, вешалки, на которых висели пальто и брюки. Мне стало немного не по себе. Серые и покрытые катышками носки у меня в сапогах сползли и свернулись колбасками. Джинсы протёрлись на коленях и испачкались сзади. Куртка была выцветшей и застиранной.

– Пойду посмотрю, – сказала я, направляясь к стойке с детскими куртками.

Горилла стала копаться в ящике с уценёнными ремнями.

– Давай-давай. На ценники можешь не смотреть.

Я потрогала ткань, из которой были сделаны куртки, – какая нежная и мягкая! Я уткнулась в неё лицом и понюхала. Пахло новой одеждой. Куртки были розовые и голубые, зелёные и красные. Мне нравились все! Особенно зелёная. У неё были внутренние карманы и блестящая подкладка. Может быть, померить? Просто так, ради интереса…

Какая красота! Куртка была тёплой, толстой и лёгкой.

Рядом висело зеркало. Я подошла к нему и посмотрелась. Потрясающе! Видели бы меня приютские дети. Интересно, что бы сказали Герда и Арон? Небось лишились бы дара речи.

– Нравится? – спросила мама у своей дочки, показывая голубую кофточку с белыми манжетами. Девочка посмотрела на неё.

– Даже не знаю, – сказала она. У неё тоже были светлые волосы, хотя и не такие светлые, как у меня. Когда я была маленькой, Герда говорила, что мне на голову, наверно, высыпали мешок муки.

Мама девочки посмотрела на ценник. Она была такая красивая – губы накрашены помадой, волосы завивались возле ушей.

А девочка смотрела на меня. Наверное, потому, что я так пялилась на её маму. Я быстро отвернулась.

– По-моему, очень мило, – сказала мама. Я бросила взгляд в её сторону. Она говорила обо мне! Я покраснела, а мама улыбнулась.

– Тебе идёт, – сказала она, кивнув на куртку. – Надо брать.

– Ага, – ответила я, в замешательстве дёргая молнию туда-сюда. – Так я и сделаю.

Мама засмеялась.

– Но платить-то, наверное, будет мама? – спросила она.

Сначала я не знала, что ответить, слова застряли в горле. Но потом кивнула.

– Да, конечно, – ответила я, засмеявшись. – Я просто решила примерить.

Мама улыбнулась.

– Лично мне нравится, – сказала она, подмигнув.

– Эй, малышка! – откуда ни возьмись появилась Горилла. Она улыбалась во весь рот своей обезьяньей улыбкой. Панталоны свисали аж до колен. – Ну как, что-нибудь подыскала?

Мамину улыбку как ветром сдуло. Горилла подняла лапу и отдала честь.

– Подходящий денёк, чтобы побаловать малютку обновкой! – сказала она. – Юнна, я вижу, ты присмотрела себе курточку? Чего только ради них не сделаешь! – Горилла почесала мохнатый живот и вынула из пупка клок шерсти.

Мама вздрогнула. Девочка уставилась на Гориллу так, будто в глаза ей вставили спички.

Я не могла поднять взгляд, мне хотелось провалиться сквозь землю. Надо же было прийти и всё испортить!

– Да-да, конечно, – сказала мама. – Чего только не сделаешь… Извините, нам пора. – Она посмотрела на меня, как на несчастного котёнка, сломавшего лапку, и быстро увела девочку. Сквозь витрину я увидела, как они сели на свои велосипеды и уехали. Девочка немного повихляла рулём, прежде чем тронуться с места.

Я сорвала с себя куртку.

– Поехали домой! – рявкнула я, направляясь к выходу.

Горилла двинулась следом.

– Нет! – настаивала она. – Так нечестно. Раз уж мы мне что-то купили, то и тебе тоже надо купить.

Вот настырная! На ближайшей вешалке висели блестящие дамские платья с розами и оборочками по краям. Я подошла и схватила одно из них – самого большого размера.

– Вот, – сказала я, сунув его Горилле.

Она тупо уставилась на платье.

– А оно тебе не велико? – спросила она.

– Хочу его, – ответила я. – Ты же сказала, можно выбрать любое.

Горилла пожала плечами.

– Ну ладно, – сказала она и пошла к кассе.

Наконец мы вышли из магазина. Я летела по улице так, что Горилла совсем запыхалась, едва поспевая за мной.

Когда мы подошли к машине, я протянула ей пакет с покупкой.

– Пожалуйста, – сказала я.

Она посмотрела на пакет.

– В каком смысле?

– Это тебе.

– Мне? Но мы же договорились купить что-нибудь для тебя!

– А это и есть для меня, – ответила я. – Если ты его наденешь, то сделаешь мне подарок. Нормальный человек не ходит по городу по пояс голый.

Горилла была в недоумении. Немного погодя она вытащила платье из пакета. Оно выскальзывало у неё из лап, словно змея, но ей всё-таки удалось его напялить. Горилла встала передо мной по стойке смирно, показывая обновку. Ни дать ни взять – волосатый дровосек в костюме принцессы.

– Отлично, – похвалила я. – Гораздо лучше, чем было. Так держать.

Горилла хихикнула, глядя на свой живот в цветочках.

– Спасибо! Ну и вырядилась я, как невеста!

Мы сели в машину и понеслись.

Когда мы вернулись домой, Горилла бегом припустила в туалет.

– С утра терплю, – фыркнула она, устремившись к чёрному ходу.

Новая книга в бумажном пакете валялась у плиты. Входная дверь осталась открытой.

«Сейчас или никогда, – подумала я. – Это мой единственный шанс. Надо бежать, бежать куда глаза глядят и скрываться там, где Горилла меня не найдёт. Я никогда больше её не увижу. Это мой шанс».

И вдруг мне на глаза попался велосипед, который стоял, прислонившись к стене, и ржавел от одиночества. Я вспомнила маму и девочку из магазина, как смешно она вихляла рулем.

«Крутить педали – это так просто, – подумала я. – Можно научиться за пятнадцать минут».

Я снова посмотрела на открытую дверь и на велосипед. Взяла его и выкатила на середину комнаты. Я взялась за руль и перекинула ногу через раму. А потом поставила ноги на педали.

Ба-бах! Сердце у меня подскочило и замерло. Нога, вывернувшись, застряла под велосипедом. Руку щипало и жгло, седло больно врезалось в живот. В дверном проёме возникла Горилла.

– Ух ты, решила покататься?! Ха-ха-ха!

И тут я расплакалась.

– Ничего я не решила! – закричала я. Мне хотелось её ударить. Кровь стучала в висках – до того я была зла на идиотский велосипед, мохнатое брюхо Гориллы, людей, которые таращатся на улице, и всяких красивых мам. Слёзы брызнули из глаз. – У меня кровь течёт!

Горилла перепугалась. Она подбежала ко мне и осторожно освободила меня из-под велосипеда.

– Ой-ой-ой, – запричитала она. – Где? Где болит?

Я показала ей локоть с царапиной. Горилла взяла меня на руки. Она была такая тёплая и мягкая, а её новое платье приятно пахло.

Зарывшись лицом в густую шерсть, я обняла её за шею. Горилла замерла. Как хорошо, когда тебя обнимают! Она вздрогнула и погладила меня по голове.

– Малышка моя, – ласково сказала она. – Это я виновата.

Надо было мне тебя подстраховать!

Я кивнула.

– Заклеим пластырем? – спросила она. – А потом попробуем ещё раз?

Немного помолчав, я пробормотала:

– Ладно…

Великие дела

Да, пожалуй, за четверть часа кататься не научишься. А за неделю – вполне. Горилла сказала, что я очень способная, поэтому у меня получилось так быстро.

– Ты вундеркинд, – заявляла она всякий раз, когда я проезжала мимо неё. На дворе был сентябрь. Дни стали холоднее, и я надевала кепку Гориллы с изображением собачьей пасти. Она была мне великовата, зато прекрасно скрывала колтуны, которые появились у меня, когда я перестала расчёсываться.

– Берегись! – кричала я, проносясь на велосипеде мимо Гориллы, пытавшейся всучить покупателю пару старых покрышек.

– Они могут ехать и вперёд, и назад, – говорила она, ударяя кулаком по ладони. – Верьте моему слову, отдаю за копейки.

Покупатель, усатый мужчина с жадным взглядом, недовольно рассматривал покрышки.

– За копейки? – пробормотал он. – Ну не знаю. Только что они вместе взятые стоили сто крон, а теперь вы говорите, что хотите по двести за каждую.

Горилла ненатурально засмеялась и покачала головой.

– Просто у меня неразборчивый почерк. Легко ошибиться.

Мужчина вытаращил глаза.

– Неужели? По мне, так это настоящее мошенничество. Даю стольник и ни кроной больше. Это моё последнее слово.

Горилла взяла деньги, не глядя ему в глаза. Она бросила растерянный взгляд в мою сторону, но мужчина уже схватил покрышки и, весьма довольный, поспешил восвояси.

Горилла со вздохом пошла к коробке из-под обуви, в которой хранились деньги. Заглянула туда с огорчённой миной. Маловато.

Тут она заметила, что я наблюдаю за ней. Она быстро убрала коробку и, весело насвистывая, направилась через двор.

Я поехала следом.

– Есть идея! – сказала я, едва удерживаясь в седле. Чем медленней едешь, тем сложнее удерживать равновесие.

– Что за идея? – поинтересовалась Горилла, продолжая идти.

– Я знаю, как нам заработать побольше денег.

Она остановилась и удивлённо посмотрела на меня.

– Ты серьёзно?

Я кивнула:

– Я много думала с тех пор, как та дама пыталась купить мой велосипед. И теперь у меня есть план. Рассказать?

Горилла сложила лапы на груди:

– Ну давай.

Пока я рассказывала, Горилла внимательно слушала. Потом почесала подбородок и громко хлопнула в ладоши.

– Ловко придумано! – сказала она. – Сегодня испробуем.

Час спустя я сидела на заднем дворе и распрямляла молотком кривые гвозди, чтобы они выглядели как новенькие. Вдруг я услышала крик Гориллы. Потом появилась она сама. Горилла была в ярости и пыхтела, как дорожный каток за работой. Следом волочился взволнованный мужчина в пальто.

– Ты что наделала?! – заорала она, впившись в меня взглядом. Она помахала старой дверной ручкой от автомобиля. – Это же «Мерседес»! Во всей Европе такую не сыщешь! Ручная работа, сороковые годы! Раритет! А ты бросаешь её в коробку, где всё по пять крон!

Я тотчас стала подыгрывать.

– Ой! – воскликнула я. – Правда раритет? А я думала, обычная ручка.

– Обычная? – взревела Горилла. – Да как у тебя язык поворачивается?! Мы могли разориться!

– Ай-ай-ай, – промямлил мужчина. – Я и не знал, что это такая ценная вещь.

– Антиквариат, – проворчала Горилла, потрясая в воздухе невзрачной алюминиевой ручкой от двери. – Кому-то крупно повезёт.

Мужчина восхищённо смотрел на ручку. Горилла бросила на меня укоризненный взгляд.

– Пять крон, Юнна. Тебе не стыдно? Мне придётся жестоко тебя наказать.

Мужчина был в ужасе, но Горилла лишь закатила глаза.

– Бездельница, – вздохнула она. – Если б вы знали, какие я из-за неё терплю убытки. Недавно продала мопед самого премьер-министра всего за двенадцать крон. Пожалуй, уложу её спать на раскалённые угли – обычно на неё это хорошо действует.

Мужчина сглотнул, бросив на меня сочувственный взгляд.

– А может, не надо?.. – спросил он. – Вы ведь вовремя обнаружили эту ошибку. Я с удовольствием куплю у вас ручку за её настоящую цену.

Горилла кивнула.

– Очень великодушно с вашей стороны. За то, что вы прощаете эту дурочку, я сделаю вам скидку и даже дам в придачу парочку новых ровных гвоздей. С вас восемьсот крон.

Мужчина достал кошелёк, дрожащими руками отсчитал восемьсот крон и забрал у Гориллы ручку и гвозди. Он кивнул мне с таким видом, словно хотел сказать: «Надеюсь, всё будет

хорошо и тебе не придётся спать на раскалённых углях». А затем исчез за воротами со скоростью света.

Горилла дала мне сто крон.

– Ну ты голова, – улыбнулась она. – Теперь заживём!

На следующий день к нам пришёл человек в охотничьей шляпе и кожаной куртке. Он представился владельцем антикварной лавки и хотел приобрести у нас какие-нибудь ценные вещи, чтобы перепродать их. Горилла стала перебирать хлам в поисках чего-нибудь антикварного.

Я нашла коробку со старыми ёлочными украшениями. Среди прочего там был фонарик со свечой и замысловатой ручкой. К нему прикреплялась бирка с надписью: «На память о Стране гномов». Её пришлось оторвать.

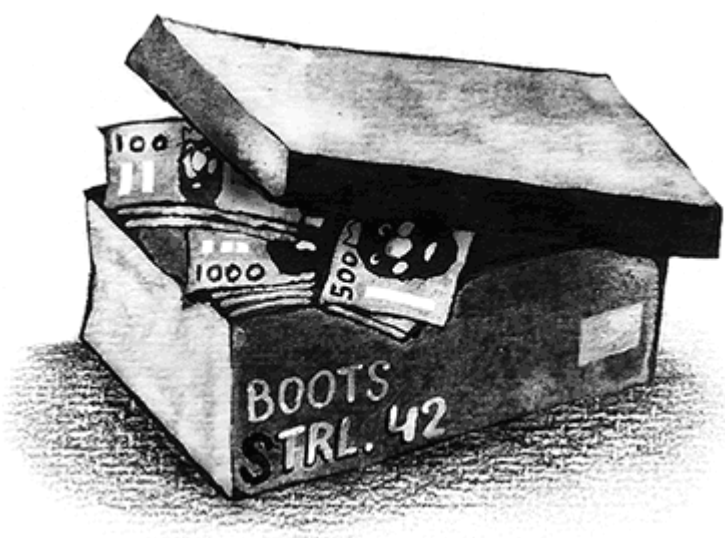
– Кстати, нашёлся фонарик, который мы хотели отдать в музей! – крикнула я Горилле. – Куда его положить?

Мужчина в кожаной куртке навострил уши. Горилла вразвалочку подошла ко мне.

– Прекрасно, – сказала она. – Я как раз думала, куда он подевался. Положи его в коробку с шёлковой подкладкой и…

Она покосилась на мужчину. Тот уставился на фонарь так, что глаза едва не вылезли из орбит.

– Что вы смотрите? – удивилась Горилла. – Фонарик не продаётся. Глупая девчонка несёт всякий вздор. Но вы-то ведь понимаете, что фонарик слишком хорош, ему в вашей лавке не место.



Мужчина кивнул.

– Конечно. Изысканная ручная работа.

– Так и есть, – согласилась Горилла. – Настоящим ценителям можно продать его… тысяч за двадцать.

Мужчина нервно подёргал усами.

– Да что там двадцать, – продолжала Горилла. – Это минимум. Какой это век?..

– Ну, не раньше шестнадцатого! – уверенно ответил торговец, доставая кошелёк. – Уж я-то знаю толк в старинных вещах. Думаю, мы договоримся, – и он протянул Горилле пачку тысячных купюр.

Горилла поковыряла носком глину.

– И зачем только девчонка рассказала, что он у нас есть, – сокрушалась она. – Пожалуй, отрежу ей за это мизинец, будет знать…

Мужчина в ужасе переводил взгляд с меня на Гориллу.

– За-за-за что?..

– За пальчик возьму и отрежу! – сказала Горилла и чикнула пальцами в воздухе, изображая ножницы. – А по-другому её не научишь. Знали бы вы, сколько мне пальцев в детстве отрезали.

Она развернулась и пошла прочь. Мужчина семенил за ней, протягивая пачку денег.

– Пять тысяч! – кричал он. – Это хорошие деньги!

Горилла остановилась и не спеша двинулась обратно.

– Дорогой мой, – сказала она. – Вы шутите?

– Восемь! – рявкнул торговец, доставая ещё три купюры. – И этот фонарик будет в хороших руках. Уж я-то знаю толк в…

– Ладно, – перебила Горилла, уставшая от его похвальбы. – Идёт. Но чек я вам не дам, иначе мне крышка.

– Отлично! – обрадовался мужчина.

– По рукам, – сказала Горилла.

С этого дня коробка для обуви, где Горилла хранила деньги, стала выглядеть немного иначе. Люди готовы были покупать хлам по немыслимым ценам, они верили, что я просто всё перепутала. Мы с Гориллой гребли деньги лопатой.

Время шло, и мне уже не хотелось никуда бежать. По вечерам становилось зябко, но в доме по-прежнему было тепло. Чёрная шерсть Гориллы застревала в моём одеяле с узором из пряничных сердечек. На тумбочке приютился разбитый фарфоровый гномик, а в ящике лежала зубная щётка, которую я никогда не доставала. Голова у меня покрылась колтунами, а джинсы становились всё грязнее и грязнее. В конце концов мне начало казаться, что так всё и должно быть. Откуда у людей время на то, чтобы мыться и вытряхивать простыни? Есть в жизни вещи и поважнее! Например, покататься на велосипеде. Или почитать книжку.

Или заработать целое состояние на продаже старья. Или тёмными сентябрьскими вечерами сидеть на коленях у Гориллы и есть бутерброды с яичницей, слушая, как дождь барабанит по крыше, ветер бьётся о стены, а в камине потрескивает огонь.

Дом на колёсах

В октябре пришло время шарфов и варежек. Горилла построила мне во дворе полосу препятствий из старого хлама. Она прислонила к сломанной посудомоечной машине доску, по которой можно было въехать на велосипеде наверх. С другой стороны была доска, ведущая вниз. После этого надо было восьмёркой проехать вокруг двух больших бочек, потом начинался слалом между семью воткнутыми в глину ручками от метёлок. Сложнее всего было преодолеть последнее препятствие – планку, которая лежала на бревне и опускалась на другую сторону, когда я доезжала до середины. Во время моих тренировок Горилла всегда была рядом.

Но в то утро я успела проехаться по этой планке трижды, прежде чем Горилла вышла из дома. Платье её было мятым после сна, а панталоны задрались выше колен. Потягиваясь, она рычала, как настоящий лев.

– Прекрасное утро, – сказала она, почёсывая живот. – Воздух чистый, как вода, в которой варили сосиски.

Я лихо пронеслась у неё перед носом и посигналила: би-ип!

– Смотри, что нам привезли! – сказала я. Изо рта у меня шёл пар, щёки раскраснелись. Трава во дворе покрылась инеем.

Горилла оглянулась. За воротами стоял пузатый серый фургончик без покрышки на одном колесе.

– Чёрт побери! – воскликнула Горилла. – Эта махина перегородила весь выезд. Наверное, кто-то пригнал её сюда ночью.

– Правда, классный? – сказала я. – Давай оставим его себе?

Горилла поморщилась.

– Да ну…

– Ну пожалуйста! – я слезла с велосипеда и бросилась к ней в объятия. – Пойдём посмотрим!

– Ладно, ладно, – ворчливо сказала Горилла, пряча улыбку.

Фургончик был старый. Внутри были ярко-жёлтые сидения и маленькая кухня с газовой плиткой.

– Знаешь, что мы устроим здесь летом? – сказала я, поднимая синие жалюзи. – «Букинист»! Откроем заднюю дверцуи разложим книги.

Горилла почесала подбородок и мечтательно посмотрела вдаль.

– Н-да, это гораздо приятнее, чем торговать всяким хламом… Правда?

Но затем она покачала головой.

– Для начала надо убрать его с дороги. Я пошла за машиной. – Горилла протиснулась в узкий дверной проём. – Скоро вернусь.

Я огляделась. Хорошо бы фургончик никто не купил! Сиденья откидывались так, что на них можно было лежать, в буфете были тарелки и чашки из нержавеющей стали. Я открыла заднюю дверцу и выглянула наружу. «Букинист» под названием «У Гориллы и Юнны». Или даже лучше – книжный киоск. Мы могли бы выезжать на фургончике в город и торговать на площади. А потом в нём же ночевать. Просыпаешься утром, открываешь дверцу, а снаружи уже толпятся покупатели.

Вскоре Горилла вернулась с тросом. Ей пришлось здорово попотеть, прежде чем она смогла прицепить фургончик на буксир. Она жала то на газ, то на тормоз, «Вольво» раскачивалась в разные стороны, как корабль во время шторма, мотор отчаянно ревел.

– Ну как, попала? – кричала она из окошка машины.

– Немного левее!

– Что?

– Левее!!!

Горилла махала рукой:

– Окей!

После долгих стараний «Вольво» была припаркована в нужном месте. Горилла вывалилась из машины и привязала трос к фургончику.

– Наконец-то! – сказала она, подбоченившись. – Теперь мы его отбуксируем.

Мы запрыгнули в «Вольво», и Горилла нажала на газ: вррррум! Машина не двинулась с места.

– Что за чёрт! – сказала Горилла и снова нажала на газ. Мотор взревел, как тысяча газонокосилок. – Здесь что-то не так, – проворчала Горилла.

– Вообще-то у него нет одной покрышки, – сказала я.

Горилла выключила мотор, открыла дверь и посмотрела на фургончик.

– Вот дела, а я и забыла! – она принялась с задумчивым видом чесать подбородок.

– Я знаю, как мы поступим, – сказала она немного погодя. – Я буду толкать его сзади, а ты тут жми на газ.

Я уставилась на Гориллу.

– Ты серьёзно? Мне садиться за руль?

Я не забыла слова, сказанные Гориллой в тот день, когда она забрала меня из приюта. Она спросила, хочу ли я научиться водить машину. Тогда я решила, что у неё не все дома, а сейчас

под ложечкой засосало от приятного предвкушения.

Горилла снова задумалась.

– Другого выхода у нас нет, – сказала она. – Я попробую приподнять фургон сзади, там, где у него нет колеса. Крикни, если будет нужна помощь.

С этими словами она двинулась к фургончику. Я запрыгнула на водительское сиденье и устроилась поудобнее. Но потом передумала и встала на колени, потому что иначе мне ничего не было видно. Затем я схватилась за большой чёрный руль.

– Готова? – крикнула Горилла.

– Да! – ответила я, улыбаясь во всё лицо. – Толкай!

– Йэх!!! – раздалось из-за фургончика. – Хррр! – Горилла кряхтела и пыхтела. Машина медленно сдвинулась с места. Потихоньку она скользила по глине.

– Отлично! – крикнула я. – Ещё немного!

– Ты рулишь? – простонала Горилла.

– Конечно! – чтобы не врезаться в ворота, я слегка повернула руль вправо. – Ещё немного! – крикнула я.

Когда «Вольво» вместе с фургончиком наконец оказались в нужном месте, я крикнула:

– Стоп! – и, выпрыгнув из машины, побежала в конец нашей процессии. Там, словно мешок с картошкой, сидела Горилла, свесив язык на плечо. Взгляд у неё был дико уставший, а шерсть взмокла от пота.

– Ой-ой-ой, – причитала она. – На сегодня с меня хватит. – Она встала и, пошатываясь, погрозила фургончику кулаком. – Но иначе мы бы никак его не вытащили.

– Не факт, – сказала я, прыгая на двух ногах. – Мы могли бы прикрутить к фургончику одну из тех покрышек, которые валяются у нас на свалке, и привезти его сюда обычным способом.

И я поскакала дальше. Горилла уставилась на меня с глупым видом. Она наморщила лоб, челюсть у неё отвалилась.

– Ты всё время об этом знала и ничего не сказала? – спросила она.

Я пожала плечами.

– Ну, не всё время, – утешила я её. – Только когда ты стала толкать. Но это было так смешно, что я ничего не сказала.

Горилла сложила лапы на груди.

– Вы только посмотрите! Я чудом осталась в живых, а ей, значит, было смешно.

Я перестала прыгать.

– Прости, – сказала я. – Но мне правда было очень смешно.

Горилла сжала челюсти и пристально на меня посмотрела.

– Ты серьёзно?

– М-м. Я кое-что вспомнила.

– И что же?

Я выдержала небольшую паузу. Мне так не хотелось услышать «нет».

– Ты серьёзно мне тогда сказала, что… что можешь научить меня водить машину? – спросила я.

Горилла крепко задумалась. Вид у неё был очень строгий.

– Хрм! Я всё-таки не настолько безответственная, – сказала она. – Но говорила на полном серьёзе.

От радости я прыгнула к ней на руки.

– А можно я прямо сейчас попробую?

Горилла расхохоталась.

– Ладно уж, – сказала она. – У тебя наверняка получится. Но только начнём с самых азов.

Вечер в ресторане

– Крутой поворот налево: три, два, один… давай!

Я резко повернула руль влево, а Горилла крутанула старое парикмахерское кресло, в котором я сидела во время наших занятий.

– Жжжи-и-х! – крикнула она, изображая трение покрышек об асфальт. Она специально вывинтила из «Вольво» руль, чтобы мы могли спокойно тренироваться. Справа от руля в глину была воткнута облупившаяся клюшка для гольфа. Она была у нас вместо переключателя скоростей. Сразу за ней располагался зонтик, игравший роль ручника.

– Прекрасно! – похвалила меня Горилла. – Теперь плавный поворот направо.

Я повернула направо.

– Врррум! – развеселилась Горилла. – Не забывай сигналить, когда поворачиваешь, тогда не придётся сбивать пешеходов. Давай, выруливай на прямую.

Я посигналила и нажала ногой на щётку, лежавшую внизу.

– Би-бип! Отлично! – радовалась Горилла. – И помни: если ты как следует разогналась, то на красный лучше не тормозить. Итак, на счёт три – полицейский разворот. Раз! Два! Три!

Я дёрнула ручку зонтика. Горилла крутанула кресло на пол-оборота.

– Молодец! – сказала она. – Ты быстро всё схватываешь, скоро будешь ездить на настоящей машине. А теперь перерыв.

Была суббота. Скоро уже неделя, как я тренируюсь каждый день. Руки устали, ведь руль довольно неповоротливый. Как бы мне хотелось поскорее начать водить, но Горилла хочет, чтобы всё было по порядку. А пока я не стала дипломированным водителем, за рулём «Вольво» будет сидеть она.

Ужин был готов. Горилла поставила на стол горячую сковородку.

– Мадам, – сказала она, накладывая еду. Затем взмахнула рукой: – Кушать подано.

Сглотнув слюну, я посмотрела в тарелку.

– Хрм, – сказала я. – Хотелось бы мне хотя бы раз в году поесть чего-то ещё, кроме бутербродов с яичницей. Если, конечно, можно.

Горилла немного растерялась.

– Мне очень нравится твоя еда, – тут же добавила я. – Но мы каждый день едим одно и то же. Понимаешь, мне немножечко надоело.

Горилла кивнула.

– Понимаю, – сказала она. – Об этом я не подумала. Я всегда готовила только для себя…

Она покачала головой, забрала у меня яичницу и выбросила её в помойное ведро.

– Девочка моя, – сказала она. – У тебя, наверное, яичница уже из ушей лезет, когда ты чихаешь. Больше в этом доме не будет ни одного яйца!

Она бросила взгляд на свою тарелку, где так и лежала яичница, решительно схватила её и бросила через плечо. Плюх! Яичница приземлилась прямо в резиновый сапог. Я расхохоталась.

– То-то же, – сказала Горилла. – Приношу свои нижайшие извинения, мадам. Что желаете на ужин?

Я пожала плечами:

– А что бы тебе хотелось?

Горилла просияла.

– Может, отправимся в ресторан? Поедем в город и устроим настоящий субботний ужин. Собирайся!

Так мы и сделали, но сначала привели себя в порядок. Я извлекла на свет божий старую щётку для волос и долго орудовала ей, стоя перед зеркалом.

Горилла ходила по комнате в раздумьях о том, что бы ей заказать.

– Ростбиф «Турнедо» – это вкусно, – сказала она. – Или, например, камбала с соусом орли. М-м-м…

Горилла кивнула. Она взяла серый мужской пиджак, висевший на гвозде у двери. У него почти все пуговицы были на месте. Затем она отчистила от глины мои резиновые сапоги.

– Ну, теперь нас не в чем упрекнуть, – сказала она с довольным видом. А что, Горилла – вполне ничего, даже симпатичная. Большая, мощная и красивая, как свежевымытый трактор.

Перед выходом я надела кепку с собачьей пастью.

– Готово! – сказала я, и приятные мурашки поползли по спине.

– Вперёд! – сказала Горилла. – Сегодня мы с тобой отменно поужинаем.

Старый промышленный район был безлюдным и тихим. Фонари отбрасывали на дорогу жёлтый свет, и тени делались длинными. На этот раз Горилла ехала не так быстро, как обычно. Она кивала направо и налево и рассказывала.

Мы проехали красивую неоновую вывеску, которая давно не светилась. На вывеске было написано: «Машинная мастерская

Персона».

– Когда-то здесь была мастерская, – рассказывала Горилла. – Тут можно было смазать маслом и починить любой механизм. А ещё у Персона была такса. Когда сюда приходили из управы, она кусала их за ноги. Персон долго не хотел продавать мастерскую, – взгляд её помрачнел. – Но они его прижали. По-моему, они придрались к тому, что стены покрыты плесенью. Персону пришлось бы проводить дезинфекцию за сотни тысяч крон. А таких денег у него не было. Вот он и продал.

Горилла вздохнула, но вскоре снова оживилась.

– А вон там была колбасная фабрика. Хозяева долго не продавали её. Тогда Турд Фьюрдмарк и его сообщники открыли новую колбасную фабрику в другом конце города. Старая не вынесла конкуренции и… Её пришлось продать.

Горилла не спеша ехала дальше. Я читала красные буквы на вывесках, прижавшись носом к стеклу.

– «Здесь будет построен крупнейший бассейн в Северной Европе».

В середине вывески красовался массивный кулак с поднятым большим пальцем. Надпись рядом гласила: «Достижения муниципалитета».

Горилла фыркнула.

– Ну-ну, знаем мы ваши достижения – шантаж и вымогательство!

Она снова помрачнела.

– Вот только со мной у вас этот номер не пройдёт. Меня вы не прогнёте. Мне ваш бассейн – как собаке пятая нога.

У меня опять что-то неприятно сжалось в груди. Я вспомнила страшную улыбку Турда. А если ему всё же удастся наложить лапу на нашу свалку? Где мы тогда будем жить?

Я постаралась прогнать эту мысль. «Отставить панику на “Титанике”, – подумала я, откинувшись на сиденье. – Вместе мы пройдём через все трудности».

Мимо мелькали фонари.

Мы припарковались на городской площади. Я немного волновалась, ведь я никогда в жизни не была в ресторане. Витрины магазинов погасли, людей на улицах почти не было. Мы довольно долго шли пешком, чтобы растянуть приятный момент.

Наконец мы остановились перед зелёной, наполовину застеклённой дверью, на которой висела табличка: «Ресторан “В переулочке”».

– Вот мы и пришли, – сказала Горилла.

Войдя, мы услышали звон дверного колокольчика.

Внутри так вкусно пахло, что у меня слюнки потекли. Из динамиков под потолком звучала гитара. За столиками сидели довольные люди и ели. На стенах висели картины со старинными кораблями и испанскими дамами в цветастых платьях. Горилла сняла пиджак и повесила его на спинку стула.

– Столик на двоих? – спросила она и жестом опытного официанта пригласила меня усесться за стол. Я сняла куртку, а кепку положила на стул.

Вскоре появился мужчина с усами и в рубашке и протянул каждому из нас отдельное меню в тёмно-красной обложке.

– Прошу вас, – вежливо сказал он.

Горилла подмигнула мне.

– Выбирай всё, что захочешь, – сказала она. – И не забудь про десерт.

На первой странице меню было написано: «Пиццы». Далее следовали спагетти всех видов и мастей.

– А что значит *б la carte*? – спросила я.

Горилла потянулась.

– Это значит «лучшие блюда», – объяснила она.

Я читала сложные названия по слогам:

Го-вя-жье фи-ле
Сви-но-е фи-ле
Мясо гриль
Кар-пач-чо
Ан-тре-кот
Цып-лё-нок по-ко-ро-лев-ски
Салат из мо-ре-про-дук-тов

– Сколько всего! – воскликнула я. – И все такое вкусное!

Горилла улыбнулась. Взяв из специальной вазочки на столе зубочистку, она немного поковырялась ею в зубах.

– Я беру говяжье филе. Оно самое вкусное, – сказала она.

Немного подумав, я выбрала.

– Цыплёнок по-королевски и сладкий напиток, – сказала я, захлопнув меню.

Я понятия не имела, что значит «по-королевски». В приюте нам иногда давали курицу с белым соусом.

Оказалось, «по-королевски» – это очень вкусно! В соусе были грибы. Я пыталась есть не торопясь, но у меня получалось с трудом. Цыплёнок был превосходный. Та же проблема была у Гориллы. Несколько раз она откладывала вилку с ножом.

– Не-е, – чавкала она с полным ртом. – Нельзя так набрасываться на еду, это вредно для желудка.

– Никогда не ела такой вкуснятины, – сказала я. – А ты?

Горилла кивнула и улыбнулась, пытаясь удержать во рту ломтик картошки.

– Да, шикарно жить не запретишь. Дела у нас идут как по маслу, а филе просто тает во рту. Мир прекрасен!

Официант привёл новых гостей и усадил их за соседний столик. Это была светловолосая кудрявая дама с длинными розовыми ногтями и её толстый муж в подтяжках. У него были очень короткие волосы, стоявшие ёжиком на круглой голове.

– Добрый вечер, – вежливо поприветствовала их Горилла, подняв бокал. Я ужасно ею гордилась.

Мужчина попробовал улыбнуться, а дама сделала вид, что не заметила.

– Не вздумай с ней разговаривать, – тихо сказала она. – Пьяницам достаточно сказать слово, и они будут к тебе весь вечер приставать с разговорами.

Горилла поморщилась и снова принялась за картошку. Я подцепила вилкой шампиньон, но есть расхотелось. Уголком глаза я видела, что люди за соседним столиком пялятся на нас.

– Бедный ребёнок, – прошептала дама. – И как только государство позволяет таким растить детей? У девочки даже туфель приличных нет.

Горилла занервничала и со звоном уронила на пол вилку.

– Ой! – сказала она и смущённо улыбнулась соседнему столику. Она быстро подняла вилку, вытерла её о панталоны и продолжила есть.

У дамы сделался такой вид, будто ей в тарелку положили содержимое выгребной ямы.

– Ты видел? – снова прошептала она, дёрнув мужа за рукав. – Как они вообще пустили её в ресторан?! Посмотрим, что они скажут, когда у неё не хватит денег, чтобы оплатить счёт. Что-то мне есть расхотелось.

– Да уж, – согласился мужчина. – Давай сделаем вид, что мы их не замечаем.

Но дама схватила сумочку и вынула оттуда сто крон.

– Мы должны помочь ребёнку, попавшему в тяжёлое положение, – сказала она. И со сладкой улыбочкой обратилась к Горилле: – Это благотворительный взнос на новые туфли для девочки.

Горилла уставилась на деньги.

– Только смотри не пропей! – строгим голосом добавила дама. – А потрать на хорошее дело.

Я покраснела как помидор. По-моему, на нас смотрел весь ресторан. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Еда просилась обратно, а Горилла так и уставилась на деньги.

Она тяжело дышала, живот ходил ходуном, словно ей не хватало воздуха.

– Надень кепку, – прорычала она.

Я удивлённо взглянула на неё.

– Что?

– Я разве не говорила тебе, чтобы ты не снимала кепку во время ужина?! – взревела она.

– Нет… – не успела я ответить, как Горилла перебила меня:

– Неправда! Делай, как тебе старшие говорят!

Дама в ужасе отдёрнула руку с деньгами. Я надела кепку.

– Так-то лучше, – пробормотала Горилла. – И чтобы за столом кепку не снимала.

Я, кажется, поняла, в чём дело. А дама и её муж смотрели во все глаза.

– Хватит тут прикидываться хорошей девочкой! – продолжала Горилла. – Ешь вилкой, нож только мешает.

– Извини, – сказала я, пряча за салфеткой улыбку.

– А ну прекрати! Таким малявкам, как ты, салфетки не полагаются! Я в твоём возрасте рукой утиралась, и ничего.

Она взяла рукой ломтик картошки и положила в рот. Я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Пришлось отвернуться и сделать вид, что я кашляю. Я была не готова к такому спектаклю.

Когда я отсмеялась, глаза у меня были мокрыми от слёз.

– Извини, – пропищала я. – Совсем забыла.

– Забыла она! – рявкнула Горилла так, что картошка полетела у неё изо рта. – А ну, давай, клади локти на стол. Ты мой ребёнок и будешь такой же, как я!

Я покорно вытянулась вперёд и положила локти на стол.

– То-то же, – сказала Горилла, собираясь положить на стол ногу. Но её остановил недовольный взгляд усатого официанта,

проходившего мимо.

– Ладно, – пробормотала она. – Можешь ещё немного покачаться на стуле. Уж я из тебя выбью эти приютские манеры. Тоже мне чистюля нашлась, вот я тебя в грязи поваляю! А теперь – десерт. Будешь пить коньяк.

Горилла повернулась к соседнему столику, за которым сидели с раскрытыми ртами дама и её муж.

– Позвольте угостить вас персиковым мороженым? Заодно о жизни поговорим!

Те лишились дара речи. Дама бросилась к выходу, а муж прокашлял что-то насчёт неоплаченной парковки. Спустя мгновение их и след простыл.

Горилла подмигнула мне.

– А теперь – десерт!

Домой мы ехали молча. За время, проведённое на свалке, я успела забыть, что́ думают о Горилле люди, которые её не знают. Казалось, с того момента, как я впервые её увидела и ужаснулась дурацким панталонам и страшной ухмылке, прошла целая вечность.

Горилла была не такая, как все. Она редко воротила нос от чего-то и никогда без нужды не повышала голос. Она всегда оставалась самой собой, и я больше не хотела, чтобы она изменилась. Пусть лучше другие меняют свое отношение.

Горилла покосилась на меня.

– Ты расстроилась? – спросила она.

– Нет, – ответила я, покачав головой.

По идее, я должна была расстроиться. Но почему-то мне не было никакого дела до этой дамы и её денег. Она наверняка была расстроена гораздо больше, чем я, потому что её романтический ужин в ресторане не удался.

– Люди есть люди, – сказала я.

Горилла захохотала как сумасшедшая.

– Лучше не скажешь, – согласилась она и выжала газ. – До чего же умная малышка мне досталась!

Новые беды

«Мир прекрасен!» – сказала Горилла, когда мы сидели в ресторане. Но она ошибалась.

На следующий день после ужина в ресторане мы сидели дома, дождь барабанил по крыше. Горилла читала книгу, купленную в «Букинисте», – «Приключения Оливера Твиста». Она её уже читала, но ей так понравилось – хоть ещё сотню раз перечитывай. Никто не любил книги так, как она. Однажды я решила посчитать, сколько книг у нас в доме, – просто из любопытства. Горилла тем временем стояла рядом и утверждала, что не более пятисот. Представляете, как она удивилась, когда я насчитала три тысячи сто две штуки!

Я сидела у Гориллы в кровати и листала книгу о знаменитых гонщиках, которую я нашла, пока пересчитывала книги. Поскольку я сама училась водить, мне хотелось узнать о тонкостях этого дела от самих мастеров.

Время от времени Горилла поглядывала на меня.

– Тебе надо обязательно прочитать эту книгу, – сказала она. – Там есть такие моменты! Вот, посмотри.

Она протянула мне «Оливера Твиста» и ткнула чёрным пальцем в какое-то слово.

– Ты только взгляни, – сказала она. – Здесь написано по-старому: «безпечность». Правда интересно? Сейчас пишут иначе: «беспечность».

Странно: она обратила внимание именно на это слово – и буквально через несколько секунд нашей собственной беспечности пришёл конец. Начались долгие злоключения.

В дверь постучали. Отложив книгу, Горилла удивлённо спросила:

– Кто бы это мог быть? Сегодня же воскресенье.

Не успела она подойти к двери, как постучали опять, теперь уже громче.

– Открываю! – крикнула Горилла, поворачивая ключ. – Вы мне дырку в двери пробьёте.

У меня неприятно засосало под ложечкой: на крыльце стоял Турд, он всё-таки вернулся.

Он был мокрый, как губка, которую только что достали из воды. Поля коричневой шляпы поникли.

– Может, пустишь меня на порог? – поинтересовался он, пытаясь перекричать дождь.

Горилла подбоченилась.

– Даже не знаю! – крикнула она в ответ. – Мог бы оставить

меня в покое хотя бы в выходные.

– Ох, – Турд ввалился в дом. Он снял шляпу и встряхнул её. Капли воды долетели до раскалённой печи и зашипели. Турд откинул со лба слипшиеся волосы. Увидев меня, он улыбнулся.

– Привет! – поздоровался он. Его серые глаза были плоскими и застывшими, как у мёртвой рыбы.

Горилла загородила меня грудью.

– Тебе сказали, оставь её в покое, – грозно скомандовала она.

Я схватила большую попону, которой Горилла накрывалась ночью, спряталась под ней и наблюдала за ними сквозь дырку.

Турд сделал несколько шагов по комнате. Положив шляпу на табуретку, он осмотрелся: горы книг, немытая посуда на полу, разбитые окна.

– Вот, значит, как ты живёшь. Замечательно, – сказал он, хотя голос его выражал обратное.

Горилла подошла к нему и крепко взяла за локоть.

– До чего ж ты мне надоел! – взревела она, потащив его к двери. – Убирайся и больше не приходи!

Но Турд вырвался.

– Пусти! – прошипел он. – Я скажу тебе кое-что интересное.

Он посмотрел в мою сторону.

– Я побывал в приюте «Лютик».

Я вздрогнула. Горилла немного присмирела.

– Да что ты говоришь, – сухо сказала она.

Турд кивнул.

– Именно. В качестве председателя управы я иногда провожу инспекцию детских домов нашего округа. Вот я и оказался в «Лютике». Похоже, и ты там побывала.

Горилла нервно сглотнула.

– Я всё оформила по правилам, – сказала она. – Все документы подписаны заведующей.

Турд улыбнулся.

– Ну, знаешь ли, усыновление – дело тонкое. Приют не может избавиться от ребёнка за пятнадцать минут и отдать его кому угодно. Увидев у тебя девочку, я призадумался. – Турд стал ходить по комнате взад-вперёд. – Но после того как я побывал в «Лютике», всё встало на свои места. При упоминании ваших имён заведующая так разволновалась, что сразу выложила мне всю правду. Дело в том, что приют был переполнен, а за это можно получить выговор. Ты побывала там в тот день, когда им пришло письмо о предстоящей проверке. И заведующая обрадовалась возможности избавиться от одного ребёнка, хотя и понимала, что совершает ошибку.

Он покачал головой.

– Такие, как ты, не в состоянии позаботиться о ребёнке надлежащим образом.

Горилла перепугалась не на шутку.

– Вы-вы-вы ничего не сможете сделать, – сказала она. – У меня есть документ с по-по-подписью заведующей.

– Подпись можно аннулировать, – пообещал Турд.

У меня в груди всё сжалось от ужаса.

– Нет! – крикнула я, подбежала к Горилле и обняла её за ногу.

Она погладила меня по голове. К ней вернулось самообладание.

– Ну-ну-ну, всё в порядке, – повторяла она.

Турд вытянул губы трубочкой.

– Завтра в три часа дня вас посетит проверочный комитет, – сказал он. – Комитет произведёт осмотр помещения и примет решение о том, возвращать девочку в приют или оставить здесь.

Горилла вперилась в него взглядом.

– Из кого же состоит этот комитет, позвольте спросить?

Турд пожал плечами.

– Ты никого не знаешь. Разумеется, кроме меня.

Горилла кивнула.

– Ты серьёзно?

– Ага, – ответил Турд.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ну что, подумаешь?

– О чём мне думать? – спросила Горилла, ощерившись так, что во рту блеснули клыки.

– Не строй из себя дурочку, нет у меня времени ничего объяснять, – ответил Турд.

Горилла выпятила грудь, положив руку мне на плечо.

– На меня угрозы не действуют, – сказала она уверенно и громко. – Приезжай со своим комитетом. Посмотрим, как вы тут разыщете повод, чтобы лишить меня родительских прав.

Турд устало вздохнул.

– Есть у меня подозрение, что искать особо не придётся.

Он подошёл к табуретке и взял свою мокрую шляпу. Затем в последний раз огляделся и, надменно улыбнувшись, надел шляпу на голову. Наконец он двинулся к выходу. Я побежала следом и с грохотом захлопнула за ним дверь.

Глаза у Гориллы стали маленькие и испуганные.

– Всё… всё будет хорошо, – прохрипела она. – Бывало у нас и похуже.

Она окинула комнату взглядом.

– Хрм, впрочем, можно немного убраться.

Визит проверочного комитета

На следующий день Горилла вытащила во двор большой ковёр с восточными узорами, и мы драили пол с мылом. Горилла бегала по комнате вся в мыльной пене, похожая на снежного человека. В руках у неё была щётка, которой она тёрла всё вокруг. Ноги разъезжались в разные стороны на мокром полу, а лицо блестело от пота.

Затем мы убрали в шкафы всё, что валялось на полу. Каждый шкафчик был забит под завязку. Один из них мне пришлось закрывать, придерживая рукой его содержимое, которое так и выпирало наружу. Выдернув в последний момент руку, я быстро захлопнула дверцу и заклеила её широким куском клейкой ленты. На всякий случай я налепила на шкафчик записку: «Не открывать!».

Мы вымыли окна смоченными в уксусе газетами, отчистили ржавчину с кранов, перемыли горы грязной посуды, выстроили красивую пирамиду из книг, которые не помещались на полках, и застелили огромную кровать Гориллы чистыми простынями, которые нашли в буфете. Горилла даже не подозревала о том, что они там есть. Правда, на паутину, висевшую под потолком, нас уже не хватило. Мы решили, что от неё в доме становится только уютнее, и члены комитета просто не смогут с нами не согласиться.

– Ооох, – вздохнула Горилла, опустившись в кресло. – Мы убрались на годы вперёд.

Я обвела взглядом комнату – красота, да и только! Даже запах стал каким-то особенным и солидным. Это была совсем другая чистота, не как в приюте. Наша собственная чистота, не та, которой добивалась криками и руганью Герда. У нас с Гориллой было в меру чисто – ровно настолько, чтобы можно было жить спокойно и не бояться что-то испачкать.

Глаза у Гориллы блестели.

– Ну вот, – уверенно сказала она. – Теперь нам и жулики из комитета не страшны.

В три часа в дверь постучали. Внутрь просунулась голова какой-то тётеньки.

– Добрый день, – сказала она. Голос у неё был такой, будто на завтрак она съела ведро песка. От такого голоса цветы в горшках вянут. На носу у тётеньки были очки в ядовито-зелёной оправе, тонкие губы сверкали ярко-красной помадой.

Горилла поспешила навстречу.

– Я как раз собиралась открыть, – сказала она.

Тётенька, Турд и какой-то мужчина проследовали мимо Гориллы в дом. Турд вёл себя так, будто видел нас с Гориллой впервые.

– Вы будете вести протокол, – сказал он мужчине.

Тот кивнул и достал из портфеля блокнот и ручку. У него были светлые волнистые волосы, острый нос и красный пиджак. На ногах – блестящие кожаные туфли белого цвета.

– Итак, – сказал Турд Горилле, – наш комитет проведёт инспекцию на предмет того, являетесь ли вы подходящей матерью для девочки из приюта «Лютик», которую удочерили в сентябре этого года. Вы меня поняли?

Горилла нервно сглотнула.

– Прежде чем вы приступите к делу, мне хотелось бы сказать, что мы с Юнной прекрасно ладим. Если это имеет какое-то значение.

Светловолосый кивнул и сделал запись в блокноте.

– Гм! Может, сначала осмотрим дом, а потом будем делать пометки? – строго сказал Турд. Светловолосый покраснел и зачеркнул написанное.

Комитет пошёл дальше, не позаботившись о том, чтобы снять грязную обувь. Мы с Гориллой в растерянности смотрели на следы туфель и башмаков, испачканных глиной.

– Ну что ж, для начала покажите нам комнату девочки, – попросил Турд.

Горилла проковыляла к маленькому выцветшему гамаку.

– Юнна у нас разместилась здесь, – гордо сказала она. – Проходите, пожалуйста.

Турд и компания осмотрелись. Они были похожи на посетителей музея. Тётенька трогала всё, до чего могла дотянуться, а Турд дёргал верёвки, на которых был подвешен гамак.

– Опасно для жизни, – пробормотал он. – Верёвки прогнили.

Светловолосый записал, произнося по слогам:

– О-пас-но для жиз-ни.

Тётенька когтистой рукой ощупала тумбочку, выдвинула ящик и достала мою зубную щётку. Щётка была в паутине. Тётенька озадаченно посмотрела на меня, а потом на Гориллу. Я улыбнулась своей самой милой улыбкой, не раскрывая рта, а Горилла беспечно расхохоталась.

– Это нюансы, создающие тепло и уют! – сказала она.

Все промолчали. Турд многозначительно поднял бровь, и светловолосый сделал запись в блокноте.

– Идём дальше? – спросил Турд.

– Да-да, конечно, – ответила Горилла и провела их

на кухню. – Прошу вас, проходите, пожалуйста. Здесь у нас шкафчики, холодильник и всё, что нужно. Посуда чистая, как обычно.

Тётенька тотчас схватилась за ручку переполненного шкафчика.

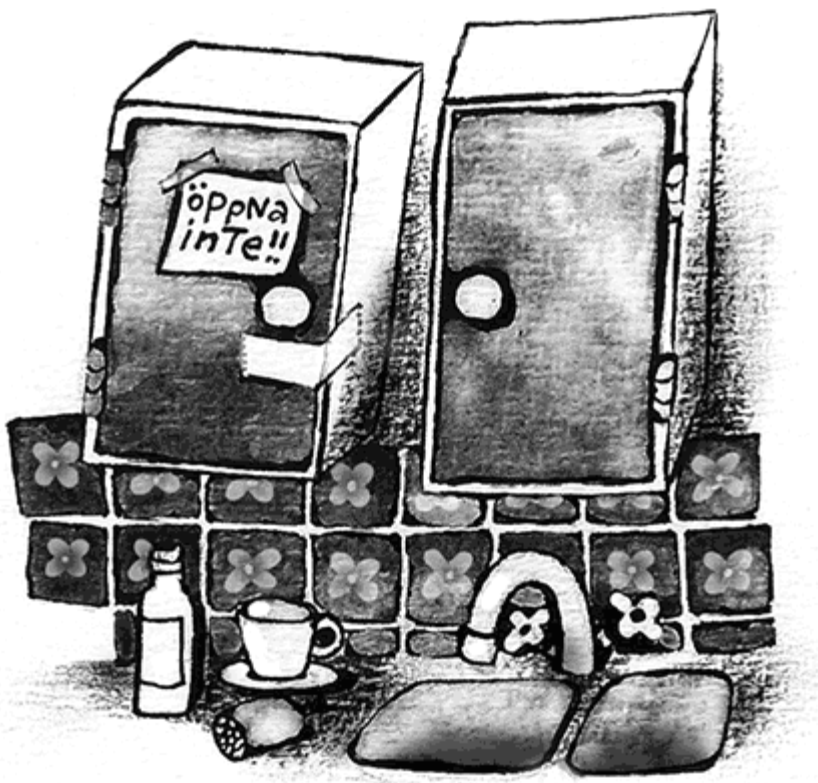
– Не надо! – крикнула я. – Он… сломан.

Турд заинтересовался.

– «Не открывать», – прочитал он на шкафчике. – Вот как? Что за секреты вы там скрываете?

– Не надо! – сказала я, но было поздно. Турд уже отрывал клейкую ленту.

«Бумс!» – это мячик от пинг-понга выпрыгнул из-за открывшейся дверцы и ударил Турда по лбу. Затем остальное содержимое с диким грохотом вывалилось наружу: рулоны туалетной бумаги, банки для хранения круп, швейная машинка, формочки для рождественского печенья, миксер, люстра, дверная ручка, пять оловянных подсвечников, краски и кисти, отвёртки, молоток, пылесос. Последним вывалился мешок цемента. И всё это высыпалось прямо на Турда, который стоял теперь, застывший от удивления и по пояс зарытый в хлам.



Наступила тишина. Тётенька сорвалась с места навстречу Турду.

– Только бы у вас не случился столбняк! – закричала она, а потом повернулась к Горилле: – Почему вы ему не сказали?!

– Я предупреждала, что… – начала я, но Горилла перебила меня:

– Ой-ой-ой, надо же, как нехорошо получилось! Простите великодушно, это целиком и полностью моя вина. Может быть, принести пластырь?

Турд вне себя от злости попытался отчистить зелёную краску со своего коричневого пиджака.

– Запишите! – прошипел он светловолосому. – Пройдём во двор и на этом закончим.

Горилла побежала вперед и распахнула дверь чёрного хода.

– Прошу вас, сюда, – сказала она. – А потом позвольте предложить вам чашечку кофе.

Никто не ответил.

Светловолосый остановился на пороге, в ужасе глядя на глиняное месиво.

– Хм, я как раз в новых ботинках, – сказал он и жалобно посмотрел на свои красивые белые башмаки.

Горилла просияла.

– Ничего страшного, – сказала она и куда-то исчезла. Вскоре она вернулась с парой огромных резиновых сапог. – Прошу вас, надевайте, пожалуйста, а свою обувку приберегите для лучшего повода.

Только светловолосый засунул ногу в сапог, как тотчас выдернул её обратно. Он выудил оттуда протухшую яичницу и уставился на неё с глупым видом, как будто не понимал, что это.

Горилла выхватила яичницу у него из рук.

– Ах вот она где! А я-то её ищу, – сказала она, положив её в карман. – Ну что, пошли?

Я тяжёлой походкой направилась следом за ними. Желудок сводило от страха, сердце бешено колотилось. По-моему, ничего хорошего теперь ждать не стоит. «Отставить панику на “Титанике”», – пробормотала я, натянув на уши кепку с собачьей пастью.

Во дворе Турд и светловолосый стали рассматривать старьё, выложенное на продажу. Похоже, это их занимало гораздо больше, чем инспекция. Турд вытащил из ящика бутылку, в которой был запаян кораблик.

– Как им это удаётся? – у светловолосого глаза расширились

от удивления. – И как только они его туда запихнули?

– Осторожно, – шепнул Турд. – Вдруг это что-то ценное. – И он обратился к Горилле: – Почём этот хлам?

– Для вас – бесплатно, – услужливо сказала она. – Подарок комитету от нашего предприятия.

– Спасибо, – буркнул Турд и, не глядя на Гориллу, сунул бутылку под мышку.

Тетенька семенила по двору в туфлях на каблуках, утопая по щиколотки в грязи. Её любопытные пальцы ощупывали всё подряд. Подойдя к уборной, она стала с интересом её рассматривать.

– Это сарай для садовых инструментов? – спросила она.

– Нет, что вы! – Горилла поспешила к ней. – Это удобства.

Тётенька наморщила лоб.

– Какие ещё удобства?

Горилла открыла дверь в уборную и кивнула ей на дыру в доске и пионы с большими листьями, которые красовались на обоях.

– Это на случай, если мадам желает пи-пи.

Тётенька покраснела до ушей.

– Какая наглость! – сказала она, обернувшись, чтобы посмотреть, не слышали ли их разговор Турд и светловолосый.

Турд тем временем рылся в старых граммофонных пластинках, осматривал часы с кукушкой, у которой было сломано перо, и пробовал на зуб латунную цепочку, чтобы выяснить, золотая она или нет. В итоге он так ничего для себя не подыскал и презрительно ухмыльнулся.

– Нам пора, – скомандовал он.

Они прошли через дом, и светловолосый получил обратно свои ботинки.

– Ждём вас завтра в двенадцать в управе, чтобы сообщить наше решение, – сказал Турд. – Вам подходит это время?

Горилла потопталась на месте.

– Да, конечно, – ответила она, улыбнувшись. – В двенадцать будем у вас. Мы приедем на своём «Вольво» на пять минут раньше – на всякий случай.

Члены комитета запрыгнули в машину Турда и двинулись в путь. На заднем стекле была приклеена надпись: «Достижения муниципалитета».

Горилла смотрела им вслед.

– Хрм… ну как думаешь, нормально прошло? – спросила она.

– Ну… – я попыталась сделать вид, что надежда ещё не потеряна. – По-моему, неплохо…

Горилла погрызла ноготь. Подбоченившись, она взглянула

на дом с острозубой крышей, потом долго и задумчиво смотрела на меня.

В конце концов она моргнула и кивнула, будто приняла какое-то решение.

– Будем надеяться на лучшее, – сказала она. – Но всё же я хочу кое-что тебе показать.

Полянка в лесу

– Возьми с собой тёплый свитер, – сказала Горилла и полезла под кровать. Порывшись там, она сказала: – Где я её видела? Чёрт побери! Куда она запропастилась?.. Ах, вот же!

Горилла извлекла на свет большой тряпичный сверток ярко-жёлтого цвета и ловко подбросила его в воздухе.

– Вот!

– Что это?

Она посмотрела на меня хитрыми глазами.

– Палатка. Мы идём в поход!

Страх тотчас рассеялся, и меня переполнила радость.

– В поход? Прямо сейчас?

Горилла кивнула с важным видом.

– Ну да, – ответила она. – Ничто не сравнится с прогулкой по осеннему лесу. Нам с тобой нужно хорошо отдохнуть после этой инспекции.

Как я была рада! Никогда в жизни я не ходила в поход.

– А куда мы поедем? – спросила я, доставая из шкафа огромную зелёную кофту.

– Есть одно место, – улыбаясь, сказала Горилла. – Вроде ничего особенного, но… для меня оно очень много значит.

Она набила мешок разными необходимыми вещами, не забыв про попону, подушку и кастрюлю, и мы уселись в нашу «Вольво». Горилла выжала газ, и мы рванули вперёд. Вскоре мы уже тряслись по узкой ухабистой дорожке. Иногда в окне мелькал какой-нибудь красный домик или сарай.

Спустя некоторое время мы оказались в лесу. Горилла свернула на совсем узкую, заросшую травой дорожку. По обе стороны выстроились тёмные ели. Иногда попадались берёзки, на которых местами ещё сохранились поникшие жёлтые листья.

Вдруг дорога оборвалась.

– Дальше проезда нет, – сказала Горилла. – Отсюда уже недалеко.

Было прохладно, но безветренно. Лишь слегка колыхались верхушки елей. Горилла шла впереди с мешком и ярко-жёлтым свертком. Я едва за ней поспевала. Она запросто прокладывала себе дорогу сквозь заросли кустарника, тогда как мне приходилось бежать в обход.

Наконец мы пришли. Горилла бросила вещи на землю и подбоченилась.

– Ну вот мы и на месте, – сказала она, глядя куда-то отсутствующим и немного печальным взглядом.

Мне здесь сразу понравилось. Посреди полянки лежал большой камень. Во мху торчало несколько маленьких засохших цветочков, оставшихся с лета.

– Люблю это место, – сказала Горилла и присела на землю, прислонившись спиной к камню. – Здесь можно сидеть, как в кресле. Будто в этом камне выдолбили специальную спинку. А ещё здесь так тихо, – она глубоко вздохнула. – Ни шороха.

Мне было немного странно, оттого что Горилла вдруг задумалась и замкнулась в себе. Лучше бы она снова стала весёлой и разговорчивой, как обычно.

– Ну что, будем ставить палатку? – спросила я.

Горилла улыбнулась.

– Конечно! – сказала она, вставая. – Надеюсь, колышков хватит. Вечно они куда-то пропадают.

Мы достали палатку. Она оказалась такой же ярко-жёлтой, как и чехол. Вместо недостающих колышков Горилла использовала палки. Внутри я постелила попону и положила подушку, а Горилла тем временем развела костёр.

– Я прячу сюда сухие щепки, – сказала она, показывая на широкую трещину в камне. – Поэтому у меня всегда есть чем разжечь костёр.

– Ты часто здесь бываешь? – спросила я.

Она покачала головой.

– Нет. Раньше я частенько сюда наведывалась, но последний раз это было давно.

Какая она прекрасная, и как ей идут голубые панталоны! Большая, как дом, с длинными сильными руками. Цветастое платье с каждым днём сидело на ней всё лучше. Да, Горилла из тех, кого время делает ещё более обаятельным.

Когда костёр разгорелся, она положила в него плоский камень. Затем достала из мешка кастрюлю.

– Пойдём за водой? – спросила она.

Неподалёку плескался ручей. Его тёмные воды пробивались сквозь мох и быстро бежали вниз по склону. Нагнувшись, Горилла зачерпнула в кастрюлю воды. А я немного потопталась в ручье. Он был неглубокий. Я сделала несколько шагов, перепрыгнула с камня на камень. Вода бурлила вокруг сапог и натыкалась на камни. Я посмотрела вверх: лес вдалеке уже не казался таким густым.

Вдруг мне показалось, что я слышу голоса. Кто-то кричал.

Вразвалочку пришла Горилла.

– Здесь какие-то дети, – сказала я. – Они что, живут прямо в лесу?

Горилла посмотрела на меня. Клянусь, она хотела что-то

сказать, но потом передумала и лишь пожала плечами.

– Пошли, – пробормотала она. – Нельзя надолго оставлять костёр без присмотра.

Она двинулась к палатке, а я осталась стоять, прислушиваясь. Но теперь ветер дул со спины, и голосов больше не было слышно. Я догнала Гориллу.

Уже стемнело. Было здорово, будто мы с Гориллой стали героями какой-то приключенческой книги; рядом горел костёр, а над головой простиралось звёздное небо.

Вода закипела, и Горилла спросила меня:

– Проголодалась?

Я ахнула.

– Мы не взяли еду! Теперь помрём с голоду!

Подмигнув мне, Горилла встала.

– Жди меня здесь, – с улыбкой сказала она и взяла мешок. – Я скоро буду.

И с треском исчезла среди деревьев. Сидя у костра, я считала секунды. Одной в тёмном лесу было страшно. Кругом раздавались странные звуки. Деревья покачивались и скрипели. В воздухе пронеслась какая-то птица. Ветер подул сильнее. Мне казалось, что я сижу здесь целую вечность. Когда же она вернётся?! Я уже почти разозлилась, как вдруг ветки снова затрещали, и передо мной возникла запыхавшаяся Горилла.

– Уфф! – сказала она и бросила на землю мешок.

– Где ты так долго была? – спросила я.

– Пришлось подождать, пока зажжётся зелёный свет, – сказала Горилла, вытирая со лба пот. – Смотри-ка, что я принесла.

Я заглянула в мешок. Там лежали картошка, морковка, брюква, лук и пастернак.

– Неужели это растёт в лесу? – спросила я.

– Хе-хе, – Горилла смущённо опустила глаза и вытряхнула на землю содержимое мешка. На свет показались кроме всего прочего две банки – с маринованной свёклой и солёными огурцами. У меня глаза на лоб полезли.

– Хрм, знаю я тут одно местечко, где всегда можно раздобыть еду. Ну что, полакомимся?

Немного погодя мы уплетали овощной суп. Он был горячий и очень вкусный. Наверное, потому, что мы приготовили его своими руками, да ещё в лесу. Ведь картошку и брюкву мы и раньше ели.

– Да-а, супчик удался, – сказала Горилла и засунула в рот солёный огурец. Неожиданно она изменилась в лице. – Но всё-таки воровать еду плохо, запомни.

Я захихикала.

– Жаль, что у нас нет фотоаппарата, – сказала я.

Горилла кивнула.

– Это точно. Могли бы сделать хорошие кадры на память. В следующий раз купим фотоаппарат.

В следующий раз. Да мы с Гориллой ещё сто раз пойдем в поход! А может, и больше. При этой мысли у меня по спине от удовольствия побежали мурашки.

Но в следующую секунду внутри всё сжалось. А может… Может, никогда больше не пойдём. И мне придётся вернуться в «Лютик». Я прижалась к её огромному животу.

– Как думаешь, что они решат? – спросила я.

Горилла погладила меня по щеке и осмотрелась по сторонам.

– Я много раз здесь бывала, – сказала она. – Сидела на мягком мху, смотрела на верхушки деревьев… По-моему, это подходящее место для побега. Особенно если хочешь сменить обстановку.

Я посмотрела на неё: что она имеет в виду?

– Постарайся запомнить это место. Что бы они ни решили, у нас всегда будет эта полянка. Я часто приходила сюда, когда… когда хотела сбежать. – Горилла сглотнула и внимательно посмотрела мне в глаза. – Хрм, я хочу кое-что тебе рассказать.

– Что?

Она волновалась и как будто не могла найти слов.

– Я… Я хотела сказать, что когда-то… – Но тут она покачала головой. – Не обращай внимания. Просто я хотела сказать, что мы с тобой во многом похожи.

Она снова замолчала. Огонь уютно потрескивал и искрился.

– Почему ты меня взяла? – спросила я.

Горилла немного растерялась.

– Ну, не знаю… Мне было грустно и одиноко. А жилось мне неплохо. Вот я и решила: раз мне тут хорошо, то и кому-то другому понравится. У меня ведь не хуже, чем в «Лютике».

Она замешкалась.

– Правда, сначала ты явно была не в восторге, так ведь? В какой-то момент я даже подумывала, не вернуть ли тебя обратно.

– Но почему ты выбрала именно меня, а не кого-то другого? – спросила я.

Горилла улыбнулась.

– Ты не ушла. Все остальные, как обычно, убежали. А ты – нет. К тому же у тебя были грязные руки. А с этим у меня тоже всегда были проблемы. Вечно я забываю их помыть.

От разговоров о приюте, Герде и мытье рук у меня на душе

заскреблись кошки. Из груди вырвался тяжкий вздох. Горилла снова погладила меня по щеке.

– Лучшая книга на свете – «Приключения Оливера Твиста», – сказала она. – Знаешь, почему я её так люблю?

– Нет.

– Потому что в ней рассказывается о бедолаге, на которого всю жизнь сыпались беды и неудачи. Он, как и… Он, как и ты, вырос в детском доме и ни от кого не слышал доброго слова. Зато закончилось всё хорошо. Никогда не стоит падать духом.

Он ткнула в небо своим корявым чёрным пальцем.

– Смотри! Знаешь, что это?

Я прищурилась, глядя на большую звезду над нашими головами.

– Звезда, – сказала я.

– Правильно. Это обезьянья звезда. Обезьяньи звёзды больше, чем обычные. Иногда они светят ярче, иногда слабее. А однажды и вовсе погасают. Вот эта звезда светит над нашей полянкой сколько я себя помню. Но в любой момент может погаснуть.

Я поёжилась. Мне стало страшно, оттого что Горилла говорила спокойным голосом о таких грустных вещах. Как будто не было ничего особенного в том, что звезда, которая миллионы лет светила людям, вдруг возьмёт и погаснет.

– Ну что, пошли спать? – спросила я.

Горилла встала с земли.

– Ага, пошли. Вот и огонь погас.

Мы улеглись в палатке. Похолодало. Мы накрылись попоной и легли на одну подушку: большая чёрная голова Гориллы и моя – маленькая и светлая. Горилла была тёплой и мягкой. Я сразу заснула.

Решение комитета

На следующий день мы сели в «Вольво» и отправились в город. На полпути Горилла остановилась.

– Хочешь порулить? – спросила она.

Я вытаращила глаза:

– Конечно, хочу!

– Тогда прыгай сюда, – сказала Горилла. – Будешь сидеть у меня на коленях.

Я перебралась к ней и села за руль. Горилла осторожно нажала на газ.

– Переключай скорость, – скомандовала я. – Ещё газу и переключи на вторую! Быстрее!

Горилла прибавила скорости. Я сама поворачивала руль на всех поворотах и даже могла объезжать ямки на дороге.

– Тормози! – сказала я. Горилла нажала на тормоз. Я посигналила в гудок: би-ип!

– Вундеркинд! – ликовала Горилла. – Разрази меня гром, если это не так! Я взяла из приюта настоящего вундеркинда!

Таким образом я вела машину всю дорогу до парковки в самом центре города. Горилла затормозила. Мы остановились перед невзрачным и пыльным домом.

Длинные ряды окон походили на большие зияющие дыры. Всё здание было каким-то угрюмым и мрачным. Оно скорее напоминало коробку из-под обуви, чем дом.

– Здесь находится управа, – сказала Горилла и со вздохом выбралась из машины. Я поспешила за ней вверх по лестнице.

Внутри было сумрачно и уныло. В конце длинного коридора показалась коричневая дверь. На ней висела стальная табличка с надписью: «Турд Фьюрдмарк, председатель управы». Взглянув на табличку, Горилла фыркнула и постучала.

– Войдите! – сказал голос за дверью.

Мы открыли дверь. За столом сидел Турд с печальным и серым как пепельница лицом. Рядом расположились тётенька и светловолосый. Бутылка с корабликом стояла на тумбе рядом со столом. Турд разложил вокруг неё ракушки и сделал морскую композицию. На стене висела картина – моряк с трубкой в зубах.

– Вы пришли вовремя, – похвалил нас Турд. – Присаживайтесь, пожалуйста.

В комнате был кое-кто ещё. Герда! Она сидела в углу и нервно моргала. Её толстая попа не помещалась на стуле и сползала по краям. Когда мы вошли и сели, она в ужасе посмотрела на Гориллу, будто ждала, что та набросится на неё.

Турд вперил в Гориллу долгий взгляд. Она занервничала, и ему это явно понравилось.

– Ну что ж, – наконец произнёс он. – Дела у нас неважные. Если страдают слабые мира сего, мы должны помогать.

Горилла сглотнула. На глаза навернулись слёзы, лапы задрожали.

– После посещения вашего дома комитет принял решение о том, что условия содержания не подходят для маленького ребёнка, – объявил Турд.

– Особенно для такого, который вырос в образцовом детском приюте «Лютик», – добавила тётенька.

И тут у меня внутри словно что-то взорвалось. Я вскочила со стула со слезами на глазах.

– А меня вы спросили?! – крикнула я. – Откуда вы знаете, подходит мне это или нет, если вы меня даже не выслушали?! Вы бегали по всему дому и делали свои дурацкие записи, а потом всё решили без меня!

Все молчали.

– Я не хочу обратно в приют! – продолжила я. – Хочу остаться с Гориллой!!!

Турд растерялся.

– Мы взрослые и лучше знаем, что…

– Вы её не знаете! – сказала я. – Ничего вы не знаете!

Все снова замолчали. Члены комитета обменялись короткими взглядами.

И тут заговорила Герда.

– Я всегда считала своё решение правильным, – торжествующе заявила она. – Отдавая ребёнка приёмным родителям, я забочусь только о его благе.

Горилла повернулась к ней и смерила её таким взглядом, что Герда чуть не упала со стула. Она пискнула и прижалась к стене. Больше она ничего не сказала.

Горилла посмотрела на Турда.

– Да, – проворчала она. – Теперь вы знаете, что думает девочка. Я вам уже говорила: мы прекрасно ладим и хотим только, чтобы нас оставили в покое. Вам бы только ходить по чужим домам и делать свои записи. А чего они стоят, ваши каракули? Разве их сравнишь с живым словом!

Тётенька и светловолосый уставились на Гориллу, потом покосились на Турда в ожидании его реакции.

Турд вынул из кармана пиджака пастилку от кашля и положил в рот. Прожевав её, он вперился в меня взглядом:

– Значит, ты хочешь остаться с Гориллой?

– Да.

Турд повернулся к тётеньке.

– Очевидно, она запугала ребёнка и принудила её это сказать.

– Неправда! Вы всё придумали! – закричала Горилла, ударив кулаком по столу. Она так разозлилась, что её глаза налились кровью.

– Придумали? – переспросил Турд.

– Да! – подтвердила я.

Турд склонил голову набок и сделал печальное лицо.

– Не думаю, – возразил он. Потом немного подался вперёд и прошептал мне так, чтобы все слышали: – Не бойся, скоро ты окажешься в надёжных руках.

– Ты что там несёшь? В каких ещё руках?! – возмутилась Горилла.

Турд выдвинул ящик стола и достал оттуда зелёную папку с документами.

– В управу поступали звонки от людей, покупавших утиль на вашем предприятии, – сообщил он.

– И что же они хотели? – поинтересовалась Горилла.

– Они сообщили нам о жестоком обращении с ребёнком, – ответил Турд.

Он открыл папку и стал читать:

– «Она подняла кулак и закричала, что хорошенько вздует девочку за то, что та забыла поставить на ценнике два лишних нолика».

Турд посмотрел на меня с сочувствием.

– Бедняжка, – сказал он. – Сколько тебе пришлось пережить.

– Всё было не так… – я попыталась разубедить Турда, но он перебил меня:

– А вот ещё: «Горилла сказала, что засунет девочку в печь, когда обнаружила ошибку на ценнике с подлинником картины Пикассо». Или вот, например: «Она хотела заставить девочку есть на обед гвозди за что, что та чуть не продала хрустальную люстру за семь с половиной крон».

Турд пожал плечами.

– И таких писем много, – сказал он. – Они приходят одно за другим. Девочку обещали отлупить; одежда на ней была грязной и рваной; Горилла утверждала, что хуже девочки может быть только её подержанная «Вольво», купленная восемнадцать лет назад, и так далее. К тому же мы поговорили с администрацией городской пиццерии. Одна из посетительниц позвонила нам и сообщила, что некая Горилла пришла туда вместе с ребёнком и заставляла его класть ноги на стол и пить коньяк.

Горилла удрученно взглянула на меня.

– Пиццерия? – пробормотала она.

– Именно, – сказал Турд. – В общей сложности сорок семь свидетелей.

– Это неправда, – сказала я. – Мы нарочно притворялись, чтобы продать…

– Не надо, Юнна, – шепнула Горилла, и я прикусила язык. До меня дошло, что комитет не одобрит наш способ заработать на жизнь. Что-то подсказывало мне: Турд знал, что Горилла ругалась понарошку и мы просто дурили клиентов. Он был не дурак и, конечно, понимал, что у Гориллы не может быть подлинника Пикассо или хрустальной люстры. Просто это сыграло ему на руку.

Горилла кашлянула.

– Мне хотелось бы поговорить с председателем… с глазу на глаз, – попросила она.

Турд вспыхнул от радости, как рождественская ёлка. Кивнул тётеньке и светловолосому.

– Подождите в коридоре, – распорядился он.

– Мне можно идти? – с надеждой спросила Герда.

Турд покачал головой:

– Подождите за дверью, пока мы не освободимся.

– Ну, знаете ли, у меня ведь работа! – возмутилась она и поплелась следом за остальными.

Горилла пронзительно посмотрела на Турда и сказала:

– Поздравляю, ты своего добился!

Турд удивлённо наморщил лоб:

– О чём ты?

– Не прикидывайся дурачком! – рявкнула Горилла. – Можешь забрать мой участок.

– А, ты об этом! – воскликнул Турд с деланым удивлением. – Очень мило с твоей стороны.

– Да-да, – сказала Горилла. – Взамен я хочу получить сам знаешь что.

– Разумеется, – ответил Турд.

– Девочку.

– Конечно.

Горилла выжидающе смотрела на него.

– Ты согласен?

Турд наклонился к Горилле и посмотрел ей в глаза:

– Я своё слово держу.

Что-то у меня внутри ёкнуло, когда он это сказал. Меня вдруг охватило нехорошее предчувствие.

Горилла молча посмотрела на Турда. Сглотнула и решительно произнесла:

– Тогда по рукам.

Турд выдвинул ящик стола.

– У меня все документы готовы, – улыбнулся он. – С учётом сложившихся обстоятельств твой участок немного упал в цене.

Горилла была озадачена:

– Какие ещё обстоятельства?

– Такие, которые сейчас не на твоей стороне, если быть точнее. За свой пятачок ты получишь пять тысяч крон. Не больше.

Похоже, Горилла была готова как следует шарахнуть кулаком по столу, но сдержалась. Взгляд её потемнел. Она взяла ручку, утонувшую в её огромной грубой лапе, и посмотрела на бумагу, испещрённую буквами.

Быстрым движением Горилла поставила на документе свою подпись.

– Спасибо, – прощебетал Турд и вручил ей пять тысяч с таким видом, будто купил пакет молока. Он посмотрел в мою сторону.

– Позови, пожалуйста, остальных, – попросил он, убирая бумаги в портфель.

Я пошла в коридор. Когда тётенька, светловолосый и Герда, сгорая от любопытства, вошли в кабинет, Турд сказал:

– Девочка едет в приют.

Горилла вскочила со стула:

– Как?! Ты же сказал, что она остаётся со мной!

– Да, сказал. Но в отличие от тебя я знаю, что слова ничего не значат. После всех жалоб, которые к нам поступили, было бы безответственно оставить девочку у тебя.

Я окаменела. Мне казалось, это происходит не со мной. Казалось, я слушаю сказку про другую девочку, которая стоит перед Турдом и переживает весь этот кошмар. Другая девочка, но не я…

Герда просеменила вперёд и взяла меня за руку. Я вырвалась.

– Теперь ты пойдёшь со мной, не глупи!

Горилла с воплем бросилась к ней через весь кабинет. Герда завопила, схватила меня и бросилась в коридор. Турд пулей вылетел за нами и закрыл дверь у Гориллы перед носом. Изнутри раздался страшный грохот.

Турд быстро достал из кармана ключ и запер замок. Горилла бешено колотила в дверь, её рёв сотрясал стены во всём доме.

– Не выпускайте её в течение получаса, – сказал Турд светловолосому и вручил ему ключ.

Герда потащила меня по коридору.

– А ну живее!

Турд увязался за нами.

– Пусти-и-и! – орала я. – Горилла! На помощь!!!

Всю дорогу до самой парковки я слышала её вопли. Турд впихнул меня на заднее сиденье своей машины, а Герда уселась рядом. Мы поехали в «Лютик».

Снова в приюте

– Приглядывайте за ней в ближайшее время, – сказал Турд. – Горилла наверняка захочет её похитить.

– И как я, по-вашему, буду жить дальше? – жалобно пропищала Герда. – Это ведь опасно для жизни!

– Подумаешь! – ответил Турд. – Вы ведь ей не нужны.

Герда поёрзала на сиденье.

– Может, и не нужна, но когда имеешь дело с психами…

– Если девочка исчезнет из приюта, отвечать будете вы, – строго оборвал её Турд. – К таким вещам мы в управе относимся очень серьёзно.

Герда нервно сглотнула.

– Бедняжка, нелегко тебе приходилось, – Турд сочувственно посмотрел на меня в зеркало заднего вида. – Но время быстро летит, скоро ты забудешь Гориллу. И сама не заметишь, как это случится, правда ведь?

Я не ответила. Слова теперь не имели смысла. Сопротивление тоже не имело смысла. Я прижалась лбом к холодному стеклу. От моих слёз окно сразу же запотело. Вскоре мы были уже за городом.

– Подъезжайте ближе к входу, – сказала Герда, когда мы уже были рядом с приютом.

– Может, не стоит? Там так красиво разровняли гравий, – засомневался Турд.

– Стоит, стоит, – заявила Герда. – Дорога нужна для того, чтобы по ней ездить.

Машина зарулила во двор. Герда вышла из машины с видом королевской особы. Перед домом в ожидании нас толпились дети. Ну, вот я и вернулась в «Лютик» с его белоснежными стенами, чистыми окнами и причёсанными воспитанниками, которые смотрели на меня во все глаза.

Турд опустил стекло:

– Помните, что я сказал! Не выпускайте её никуда!

Блестящий автомобиль сорвался с места и уехал.

– Арон! – крикнула Герда. – Возьми грабли и разровняй дорожку. А потом продолжишь мастерить дверь!

Она потащила меня вверх по каменной лестнице. Некоторые дети бежали за нами. Я знаю, о чём они думали, глядя на мои спутанные волосы и грязные джинсы. Им было жаль меня. Они считали, что меня спасли из лап преступника.

Герда разозлилась на детей, бежавших за нами следом.

– А ну марш на улицу! Вы ещё месяц будете с дровами

возиться! – закричала она.

Когда мы оказались в коридоре, она в нерешительности остановилась.

– Где же мне тебя запереть? – жалобно спросила она, осматриваясь по сторонам. Во всём доме на замок запиралась одна-единственная комната – её собственная. – Делать нечего! – сказала Герда и повела меня в свои апартаменты, которые представляли собой спальню, переходившую в кабинет. – Поживёшь со мной. Но берегись, если будешь храпеть по ночам. А завтра у тебя банный день.

Герда была в ужасе от того, какая я грязная.

Остаток дня она жутко нервничала, грызла ногти и смотрела на меня так, будто я была самым большим несчастьем в её жизни. Вечером она натянула свою уродливую ночную рубашку. Притащила для меня из общей спальни матрас и положила его на полу рядом со своей кроватью. Что бы Герда ни делала, она постоянно посматривала в окно.

– Как думаешь? – прошептала она. – Твоя Горилла придёт за тобой?

Я подумала о ней, о моей Горилле. Придёт ли она?

– Конечно, – уверенно ответила я. – Она непременно вернётся.

Похоже, Герду не обрадовал мой ответ. Она сморщилась, как тряпочка для мытья посуды, и снова посмотрела в окно. Затем взяла со стола телефон и улеглась в постель.

– Если она придёт, я позвоню господину Фьюрдмарку, – сказала она и погасила свет. Мне пришлось пробираться к своему матрасу в темноте. По дороге я опрокинула стул.

– Тихо! Спи давай! – прошипела Герда и тотчас захрапела, как бензопила.

Я зарылась лицом в подушку. От неё сильно пахло стиральным порошком. Чистые вещи такие жёсткие и неуютные. Раньше я об этом не думала. Моё одеялко с пряничными сердечками было таким мягким и нежным. А какой мягкой была Горилла, мягкой и тёплой…

Я не заметила, как подушка стала мокрой от слёз. Горилла приедет за мной. Точно знаю. Возьмёт огромный топор, приедет сюда и раскрошит эту дверь. А Герда так испугается, что со слезами упадёт на колени. Горилла возьмёт меня на руки и понесёт к своей «Вольво». Так и будет. Она ведь однажды забрала меня отсюда, значит, заберёт и теперь.

Я всю ночь не спала и ждала, когда Горилла за мной приедет. Позовёт меня или постучит в дверь. Но было тихо. На рассвете мне наконец удалось заснуть.

Я проснулась от стука, который раздавался внизу. На часах было почти восемь. Герда выпрыгнула из постели и напялила платье.

– Ну кто там ещё? – проворчала она. – В такую рань приличные люди спят. – И тут она вздрогнула: – А вдруг это Горилла?

Я взлетела до потолка:

– Да! Наконец-то!

Выбежав в коридор, я бросилась к окну.

– Гори… – начала было я, но тут же прикусила язык и вернулась к Герде, которая тряслась в своей спальне. – Это Турд, – вздохнула я и плюхнулась обратно на матрас.

Герда воспрянула духом. Она поправила причёску и вышла из комнаты. Вскоре они вместе вернулись обратно и прошли в кабинет.

– Если речь о том, что приют перегружен, то я приношу управе свои извинения, – смущённо улыбнулась Герда.

Турд покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я хотел лишь сказать, что девочку не стоит больше держать взаперти.

– Правда? – удивилась Герда.

– Горилла сбежала, – продолжил Турд, искоса посмотрев на меня. При этом он не смог скрыть улыбки.

У Герды был такой вид, будто ей вручили кулёк карамелек.

– Какое счастье! – зачирикала она, всплеснув руками.

Турд кивнул.

– Она очень расстроилась, что пришлось расстаться с ребёнком. Машина исчезла, все двери заперты. В городе её нет. – Он повернулся ко мне. – Тебе лучше забыть о времени, которое вы провели вместе. Радуйся, что всё кончилось так хорошо.

Глаза у меня чесались и припухли после бессонной ночи. Посмотрев на Турда, я сказала:

– Вы лжёте. Она никогда без меня не уедет.

Турд улыбнулся так, словно хотел сказать: ох уж эти дети, ничего не понимают. Он подошёл ко мне и тихо, чтобы Герда не услышала, сказал:

– Я только что был на свалке, хотел повесить там нашу табличку «Достижения муниципалитета» – помнишь такую? – Он сунул руку в карман, достал оттуда записку и протянул её мне. – Это я нашёл на двери.

На записке было написано большими корявыми буквами: «Юнне». Это, без сомнения, был почерк Гориллы. Я развернула её.

«Привет, малышка! Я решила уехать из города. Жаль, что мы

попали в такую передрягу. Но на свете есть много прекрасных мест».

Ниже стояла подпись: «Обезьянья звезда».

Турд наморщил нос.

– Странный она себе выбрала псевдоним, – сказал он. – Тоже мне звезда нашлась. Да она просто мартышка безмозглая.

Я лишилась дара речи. Я перечитывала письмо, снова и снова убеждаясь, что так и есть. Горилла и вправду сбежала.

Турд и Герда стали расплываться – слёзы застилали глаза. Герда склонила голову набок. Похоже, ей действительно было меня жалко.

– Бедная малютка, – прошептала она. – Как сильно ты расстроилась!

Турд закатил глаза.

– Не понимаю, чего она так привязалась к этой Горилле? – удивлялся он. – Нет чтобы радоваться!

– Дети есть дети, – улыбнулась Герда.

Турд кивнул.

Я не могла сказать ни слова. Слёзы лились по щекам. Я легла на матрас и уткнулась в него лицом. Горилла меня бросила. В это невозможно поверить!

Фотография

Когда Турд уехал, Герда вернулась и погладила меня по голове.

– Иди к остальным, детка, – сказала она. – Помоешься в другой раз. Не грусти.

Я вытерла лицо и надела джинсы. Сунув в карман записку Гориллы, я отправилась во двор.

Осень близилась к концу, листья облетели с деревьев. В лесу, простиравшемся за приютом, лишь сосны и ели не потеряли свой красивый наряд. Все дети были заняты работой. В сарае несколько человек строгали щепки для камина. Другие кололи дрова на пригорке. Возле кустов сирени двое детей работали граблями, а остальные что-то мастерили неподалёку.

Я немного попинала сапогами траву. В кармане лежала записка. Она стала рваной и мокрой, а я всё сильнее сжимала её в руке. На смену грусти пришла злость. Я чувствовала себя обманутой. Я представляла, как Горилла за рулём своей старенькой «Вольво» мчится прочь из Швеции. И только пожимает плечами, думая о том, что произошло.

– Юнна! – крикнул Арон. Он строгал рубанком доски, лежавшие на козлах. – Иди сюда!

Черноволосые братья были тут как тут. Когда я подошла ближе, они улыбнулись своей противной улыбкой. Арон был красный и потный. За лето его лицо покрылось веснушками. Я вынула руку из кармана и ударила его по плечу.

– Ой! – вскрикнул он. – За что?

– За то что врёшь, – сказала я. – Никто меня не съел.

– Жалко, – сказал один из братьев с таким видом, как будто удачно пошутил. Второй тотчас расхохотался.

– А ну заткнитесь, – сказал Арон. – Идите отсюда!

Братья в недоумении посмотрели на него, но ушли. Они отложили рубанки и послушно двинулись к малышам, которые сортировали щепки.

Арон посмотрел на меня.

– Я немного за тебя волновался, – сказал он. – Другие тоже переживали. Ну как там у Гориллы? Очень страшно?

– Да ладно, забудь. Чем это ты занимаешься? – спросила я, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Мастерю новую дверь в погреб. Пока тебя не было, к нам забрались воры и украли еду. Герда ужасно разозлилась.

И тут вдали послышался шум автомобиля – привезли почту. В то же мгновение из дома выбежала Герда в одних тапочках:

– Дальше нельзя! Здесь только что разровняли гравий!

Арон засмеялся:

– Почему бы не повесить на заборе почтовый ящик? Охота ей каждый раз объяснять, что по дорожке ездить нельзя?

Почтальон вручил Герде большой конверт и уехал. Она вскрыла его и радостно подпрыгнула.

– Ура! – закричала она, помахивая бумагой. – Фотографию привезли!

Как же все обрадовались! Побросали свои дела и побежали к Герде. Вскоре её окружила толпа детей. Она держала фотографию над головой.

– Не трогать! – кудахтала она. – А то заляпаете снимок грязными пальцами! Я сделаю рамочку и повешу его на стенку вместе с другими.

Она стала подниматься по лестнице, дети шли по пятам.

Арон снова отложил рубанок и пожал плечами.

– Пойдём тоже посмотрим, – предложил он.

– Что-то не хочется. Иди без меня, – ответила я.

Тогда он взял меня за руку.

– Пойдём. Я знаю, ты на фотках плохо получаешься. Зато посмотрим, какой я красавчик!

Он потащил меня к главному входу. Внутри все набились, как сельди в бочке. Все глазели на фотографию и наступали друг другу на ноги. Герда вышла из своего кабинета с важной физиономией. Она несла фотографию в рамочке, словно это была золотая медаль, которую она собирается вручить нобелевскому лауреату.

– Осторожно!

В стене уже красовался гвоздь, на который она и повесила снимок.

– Вот! – сказала она.

Все пытались протиснуться вперёд, чтобы получше рассмотреть себя на фотографии.

– Дурацкий фотограф! Почему он снимал, когда я моргнул?!

Я едва сдержала улыбку. Глаза у Арона были наполовину закрыты, виднелись только белки. Выглядело это ужасно.

А я получилась хорошо. Аккуратные косички торчали в разные стороны. Ногти были чистые, джинсы тоже. И вообще я выглядела довольной. Мы всегда радовались, когда приезжал фотограф, – приятно ведь, когда тебя фотографируют. Это такой торжественный момент.

– Пойду дверь доделывать, – сказал Арон. – Ты со мной?

Я покачала головой:

– Потом приду, хочу ещё полюбоваться.

Вскоре я осталась одна перед огромной стеной, завешанной фотографиями. Надо же, сколько детей прошло через «Лютик». Сотни маленьких бледных лиц смотрели на меня со старых снимков. И вдруг я заметила нечто странное. Моё внимание привлёк самый верхний ряд на стене – что-то там было не так. Как и на других фотографиях, здесь изображались дети, но в самом углу каждого снимка мелькало что-то чёрное. Маленькое пушистое лицо…

Я не могла поверить своим глазам! С фотографий на меня смотрела маленькая Горилла!

Один, два, три… целых восемь снимков. Сначала она была маленьким комочком на руках у молодой Герды. В те времена Герда ещё не стала такой нервной и строгой – наоборот, она казалась милой и доброй. Год за годом Горилла росла, делалась всё лохматее и страшнее. И на каждой новой фотографии она выглядела всё более несчастной и сгорбленной. А на самой последней она как будто и вовсе не хотела, чтобы её кто-то заметил. Опустив голову и слегка присев, она спряталась в последнем ряду. А у Герды лицо стало более суровым.

У меня голова пошла кругом. Оказывается, Горилла – выпускница нашего приюта! Почему она мне ничего не сказала?

Герда вышла из кабинета.

– Ах вот ты где, – удивилась она. – Как настроение?

– Горилла тоже жила в «Лютике».

Герда напряглась.

– Ну да, конечно, – пробормотала она. – Ну и что в этом такого?

– Я впервые об этом слышу. Мне никто не сказал.

Герда уже успела справиться со смущением.

– Правда? – прощебетала она. – Ну, теперь ты знаешь. Наверное, она просто решила, что это неважно. Тут у нас много разных людей побывало, не она одна. Пойдём мыться?

Скорчив гримасу, она осмотрела меня с головы до ног.

– Н-да, эти колтуны, пожалуй, невозможно распутать. А что, если мы тебя пострижём? По-моему, тебе пойдёт короткая причёска.

Я молча пошла к лестнице.

– Юнна! – окликнула меня Герда. – Я ведь с тобой разговариваю! Куда только катится это мир?!

Обезьянья звезда

Был вечер. В большой спальне дети готовились ко сну. Я уже лежала под одеялом, свернувшись калачиком. Герда вымыла меня и расчесала колтуны; на это ушло несколько часов. Кожу на голове щипало, будто её поливали кипятком.

В спальне стоял ужасный гвалт. Пружины в кроватях скрипели так, что уши сворачивались трубочками. Я вспомнила слова Гориллы, сказанные ею в первый день, – как она убрала из кровати все пружины, потому что не выносила их скрипа.

Как я была зла на неё! Мне хотелось вовсе забыть о том, что она есть, и о том, что я когда-то у неё жила. Но как было бы хорошо, если бы она ворвалась сейчас в спальню с топором в лапах… А у входа пусть дожидается старенькая «Вольво».

Арон плюхнулся на свою кровать. Он застонал и подул на ладони.

– Проклятые мозоли, – пожаловался он. – Не руки, а кровавое месиво.

– Что случилось? – спросила я.

– Рубанок. Я строгал доски семь часов подряд. И теперь у меня тридцать три мозоли. Хочешь посмотреть?

Он вытянул руки. Да, ничего не скажешь, зрелище не из приятных. Вся кожа в сине-красных волдырях. Я наморщила нос.

– Что вы там такое мастерили?

– Дверь! – заорал Арон. – Дурацкую дверь для дурацкого погреба! Старую поломали воры, а поскольку я в прошлом году смастерил шляпную полочку, которая понравилась Герде, мне и ещё нескольким парням пришлось делать новую дверь! Чёртова полочка!

– А что они украли? – спросила я, садясь на кровати. – Что взяли воры?

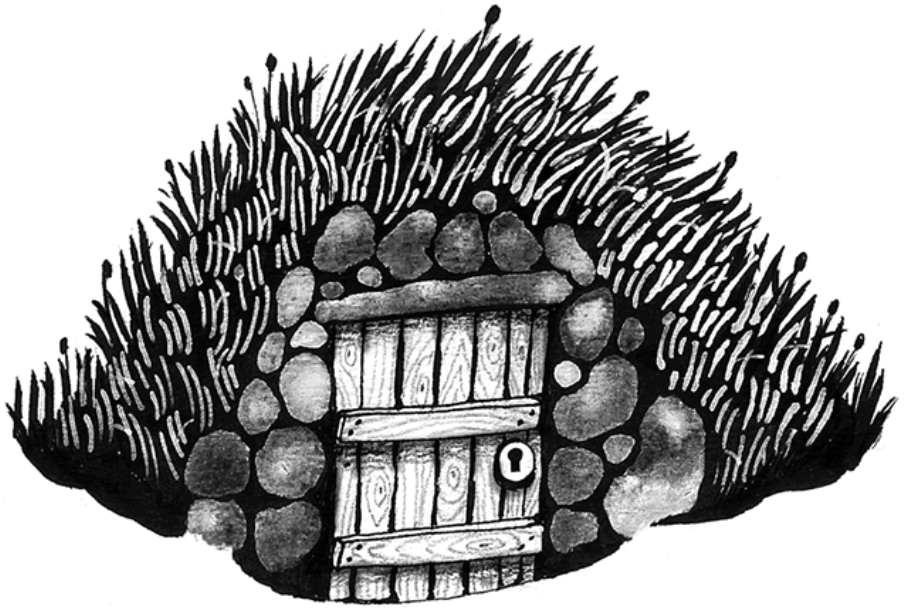
Арон облизнул руки и опять застонал от боли.

– Да не помню уже. Картошку и ещё какие-то овощи и соленья. Герда говорит, у нас теперь нет солёных огурцов к Рождеству. И свёклы нет.

Я уставилась на него.

– Что?!

– Ты что, оглохла что ли? – удивился он. – Картошку и солёные огурцы.



Мое сердце остановилось. Картошка и солёные огурцы. Маринованная свёкла. Кто-то залез в погреб и украл еду. Я бросилась к спинке кровати, на которой висели джинсы, и вынула из кармана записку: «Я решила уехать из города. Жаль, что мы попали в такую передрягу. Но на свете есть много прекрасных мест. Обезьянья звезда».

Я вскочила и побежала к окну. Вдалеке темнел лес. Во дворе из земли выступал холмик, под ним находился наш маленький погреб с новой дверью. На небе сияли тысячи крошечных звёзд. Но одна была больше и ярче всех. Не про неё ли рассказывала Горилла? Может, это и есть Обезьянья звезда?

Я снова легла в кровать.

– Что ты там увидела? – спросила Арон.

– Да так, ничего, – ответила я. – Давай спать. – И, повернувшись к нему спиной, я свернулась калачиком на жёсткой простыне. Свет в спальне погасили.

Ну почему время тянется так долго именно тогда, когда ты хочешь, чтобы оно пролетело скорее? По-моему, прошла целая вечность, прежде чем все уснули. И всё равно в спальне раздавалось шуршание и скрип кроватей. Я схватила джинсы и футболку и, одевшись, пошла к двери.

– Юнна?

Я вздрогнула и обернулась. В темноте светилось веснушчатое лицо Арона.

– Ты куда? – прошептал он.

– А ты никому не скажешь? – спросила я. – Пожалуйста!

– Ты что, хочешь сбежать?

Я кивнула.

– Да. Попробую. Если я не ошибаюсь, меня ждут. Ты ведь не разболтаешь?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

– Нет.

Я улыбнулась и на цыпочках пошла к двери.

– Юнна! Мне будет тебя очень не хватать. Может, ты всё-таки ошибаешься, и тебя никто не ждёт… – сказал Арон мне вслед.

– Пока! – шепнула я и проскользнула в приоткрытую дверь.

Ступеньки скрипели. Мои сапоги стояли внизу, а куртка висела на крючке. Из спальни Герды доносился богатырский храп. Я повернула замок, и ночной холод тотчас пробрался под одежду – приятный и влажный. В кармане лежала записка, написанная корявым почерком Гориллы.

В ней было послание, которое могла понять только я. Я была уверена, что не ошиблась!

Я обошла приют. На заднем дворе валялся рубанок. Сердце отчаянно билось в груди. Я побежала. Темнота сомкнулась вокруг меня, а я, спеша и спотыкаясь, пробиралась все дальше в лес. Ели сгущались. Я вспомнила голоса, которые доносились до нас, когда мы с Гориллой набирали воду в ручье. Это были детские голоса, и звучали они совсем близко.

Я не ошиблась. Пожалуйста, пусть всё будет так, как я думаю. Сучья хрустели под ногами. Ветки хлестали лицо. В темноте ухала ночная птица. Я задыхалась от страха.

«Отставить панику на “Титанике”», – прошептала я и стала повторять это как молитву.

И тут я услышала плеск воды. На небе появилась луна; теперь я хорошо различала окрестности. Ручей протекал прямо у меня под ногами. Я узнала его – он извивался во дворе «Лютика» возле сарая и пропадал под землёй. Я побежала вверх по склону, прочь от ручья, туда, где лес редел и, по моим подсчётам, должна была находиться наша полянка. Пожалуйста! Пусть всё будет так, как я думаю!

Я остановилась. Ярко-жёлтой палатки не было… Но во мху, прислонившись спиной к камню, сидела Горилла!

Она встала и заковыляла мне навстречу. Я со всех ног бросилась к ней в объятия.

– Я знала! Я знала, что ты никуда не уехала!

– А я и не сомневалась, что ты всё поймёшь! – ответила Горилла, взлохматив мою шевелюру. – Ха-ха! Вот дураки, поверили, что я уеду без тебя. Ну уж нет! Я была уверена, что ты догадаешься, где я. – Она посмотрела на Обезьянью звезду

и благодарно подмигнула ей, словно та понимала, о чём идёт речь. – А записку тебе передали?

Я кивнула.

– Она у меня с собой, мне дал её Турд. Но почему ты мне не сказала? – я хорошенько ударила её по плечу. – Почему ты не сказала, что это место… находится рядом с «Лютиком»?

Горилла поставила меня на землю. Она казалась одновременно счастливой и немного печальной.

– Я… я много раз собиралась сказать. И боялась, что тебя могут у меня отобрать. Потому я и показала тебе это место. Но… – глаза её стали совсем малюсенькими. – Ты ведь знаешь, что мне никогда не разрешат взять тебя. Нам остаётся только сбежать.

– Ну да! – сказала я, понимая, что нельзя терять ни минуты. – Так пошли же.

– Понимаешь, – ответила Горилла грустным голосом, – побег – это не просто весёлое приключение с ночёвкой в лесу. Нам придётся нелегко, возможно, за нами даже будет гнаться полиция. Вот я и подумала: если я прямо скажу, что буду тебя здесь дожидаться, ты решишь, что непременно должна прийти. А если только намекну, то тебе будет легче отказаться.

– Ты что, глупенькая? – сказала я, обняв её за ногу. – Я совсем не хочу оставаться в приюте. Я хочу быть с тобой!

– Хе-хе, – Горилла погладила меня по голове.

– Но кое-что ты всё же могла бы мне рассказать, – сказала я.

Она наморщила лоб.

– Ты ведь выросла в «Лютике»! Я видела тебя на фотографиях.

Горилла очень смутилась.

– Нечего здесь рассказывать. Герда всегда меня недолюбливала. Я была для неё обузой. Если честно, я и сама стараюсь забыть о том времени. – Она снова взлохматила мои волосы. – Что же мы стоим?! – воскликнула она, постучав себя по лбу, как будто наш разговор был пустой болтовнёй. – У нас есть дела поважнее!

Горилла взглянула на меня:

– Ну что, в путь? Ты уверена?

– Конечно! – крикнула я, изо всех сил потянув её за руку. – Скорей, у нас мало времени!

– Хе-хе, тут ты права, – согласилась Горилла. – Поехали домой за вещами.

И мы пошли по тёмному лесу. Мы шли молча, только ветки трещали под ногами. Вдруг Горилла развернулась, молча взяла меня за руку и пожала её так сильно, что я чуть не вскрикнула.

«Вольво» стояла на том же месте, что и вчера, когда мы

вернулись домой из похода. Точно так же я запрыгнула на переднее сиденье. Машина с рёвом сорвалась с места. Всё было как вчера. И всё было иначе.

Рядом со свалкой красовалась круглая жёлтая вывеска, которую установил Турд: «Здесь будет построен крупнейший бассейн в Северной Европе». Горилла фыркнула и открыла дверь.

На кухонных часах было почти три.

– Что берём с собой? – спросила она меня.

Я пожала плечами.

– Может быть, мой велосипед? А ты что возьмёшь?

Горилла почесала подбородок. Она посмотрела на стол, кресло, кровать. Потом её взгляд остановился на книжных полках.

– Книги? – спросила я. – Все три тысячи?

– Да нет, – сказала Горилла, делая вид, что книги ей безразличны. – Ничего не получится. Придётся их оставить.

Она сглотнула и стала насвистывать что-то себе под нос. Немного подумав, я сказала:

– А вот и нет. Мы можем взять их с собой, если… прицепим фургончик!

– Это займёт несколько часов! – возразила Горилла. – Мы сможем выехать только на рассвете.

– Всё равно успеем, – сказала я. – Ты должна взять книги. Только сначала почини фургончик, там ведь нет одной покрышки.

Горилла весело кивнула. Она побежала к двери, сорвала с гвоздя свою кепку с собачьей пастью и спросила:

– Соберёшься без меня?

– Конечно! А покрышки лежат за уборной, выбирай любой размер.

Она со скрипом прикрыла за собой дверь и исчезла. А я стала собирать мешки и коробки, в которые можно было уложить вещи. Большие книги – в большие коробки. Маленькие книги – в полиэтиленовые пакеты. На кухне тикали часы, а я, по идее, уже должна была свалиться замертво от усталости, но не тут-то было! Я, как заведённая, прыгала между книжными полками и коробками. Мы сбежим! Я никогда больше не увижу Герду и не услышу про Турда.

В пять часов утра Горилла вернулась.

– Готово! – сказала она и бросила кепку на пол. – Я не нашла домкрат. Пришлось самой держать эту махину и ставить покрышку. Но теперь дело сделано, давай помогу собраться.

Пакеты и коробки заполнили весь дом. Последней книгой, которую я упаковала, были «Приключения Оливера Твиста».

– Ну что ж, прицепим фургончик к «Вольво» и полный вперёд! – сказала Горилла.

Мы запрыгнули в машину. Горилла включила зажигание и рванула переключатель скоростей. Машина упрямо заурчала.

– Не глупи, малышка, – пробормотала Горилла. – Давай же, назад!

– По-моему, ты просто не выжала до конца сцепление, – сказала я. – Ты слишком устала.

Горилла уставилась на меня с обиженным видом: мол, до чего ж наглые дети пошли! Но я-то видела, что ей приятно. Ей нравилось, что я разбираюсь в машинах. Она выжала до конца педаль и дала задний ход.

Мы прицепили фургон к машине и подъехали к входной двери. Затем мы стали таскать мешки и коробки, так что скоро у нас разболелись спины. За окном светлело. Когда последний пакет был погружен в фургон, красный велосипед лежал на заднем сиденье, а фарфоровый гномик с отломанной рукой стоял на приборной доске, Горилла издала победный клич.

– В путь! – сказала она.

Но только она собралась тронуться, как подскочила на месте.

– Чёрт побери! Совсем забыла! – Горилла загадочно посмотрела на меня. – У меня для тебя сюрприз. Жди меня здесь.

Она выбралась из машины и пошла в дом.

Я откинулась на спинку сиденья. Усталость сделала своё дело. Рот расплывался в улыбке при мысли о том, что нас ждёт впереди. Мы уедем в дальние края. Глаза слипались, я уже клевала носом, когда неподалёку послышался шум приближающегося автомобиля. Я обернулась. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди! Это была чёрная машина Турда. В лобовом стекле маячило его строгое каменное лицо, а рядом сидела Герда. Мы слишком долго копались! Герда обнаружила, что меня нет, и забила тревогу.

– Горилла! – крикнула я.

Машина припарковалась, Турд бросился ко мне. Он схватил меня за руку и вытащил наружу, как пробку из бутылки. Я упала на землю. В тот же миг в дверях появилась Горилла. В руках у неё был маленький чёрный ящичек. Бросив его, она с воплем кинулась к нам.

Турд оттолкнул её. Вообще-то он был раза в два меньше Гориллы, но та поскользнулась на мокрой глине и упала на спину.

Турд поправил шляпу.

– Ты похитила девочку! – завопил он. – Тот, кто вздумал ослушаться моего решения, плохо кончит! Я, чёрт возьми, председатель управы!

Он потащил меня к машине, а я пыталась по дороге

ухватиться за всё, что попадалось нам на пути. Но пальцы лишь скользили по глине и загребали мелкие камешки. Глина набилась под ногти, кожа ободралась.

– А ну живо в машину! Вставай! – орал Турд.

Наконец Горилла вскочила на ноги и догнала нас.

– Прочь отсюда! – взревела она. – Юнна поедет со мной!

Она схватила Турда за горло своими огромными лапами.

– Не надо! – просипел он. – Ты меня задушишь! – лицо у него посинело.

– Осторожно! – сказала я.

Тогда Горилла отпустила его, и он тотчас дал ей кулаком по носу. Горилла попятилась назад и, запутавшись в своих мешковатых панталонах, стала размахивать руками, чтобы удержать равновесие. В конце концов она упала на спину и, издав нечеловеческий вопль, так и осталась лежать в неестественной позе с подвёрнутой ногой.

– Ну вот, придётся тебе отправиться с нами, – сказал Турд и снова потянул меня за руку.

– Не-е-ет! – крикнула я. – Пустите меня!

Бамс! Несколько мгновений Турд покачивался, выпучив глаза. Затем моргнул своими плоскими глазами и шмякнулся в глину. Я просто оторопела! Горилла лежала на земле, корчась от боли. В руках она держала жёлтую вывеску на длинной рукоятке, которой только что получил по башке Турд: «Достижения муниципалитета».

Герда выскочила из машины.

– Он мёртв? – пролепетала она.

– Нет, дышит, – ответила я.

Герда переминалась с ноги на ногу.

– Как ты могла похитить ребёнка?.. – нерешительно спросила она.

Горилла презрительно фыркнула. Я подбежала к ней и попыталась помочь встать на ноги.

– Помоги же мне! – приказала я Герде.

Она посмотрела на меня так, будто речь шла о спасении огнедышащего дракона.

– Даже не знаю, я такая немощная и старая…

– Не бойся, я тебя не трону, – сказала Горилла. – Обещаю. Помоги мне хоть в этот раз!

Герда немного подумала, потом побрела к Горилле и помогла ей встать. Она посмотрела на наш огромный кирпичный дом.

– Вот, значит, где ты жила все эти годы.

Горилла вытаращила глаза.

– Можно подумать, тебя когда-нибудь волновало, как я

устроилась.

– Э-э, я только хотела сказать… я очень рада, что у тебя всё так хорошо сложилось, – сказала она дрожащим голосом.

Горилла повернулась ко мне.

– Я не могу вести машину. Нога не работает. Вывих.

– Ты должна! – сказала я. – Нам надо уехать отсюда, пока Турд не пришёл в себя.

Я посмотрела на Турда. Он уже начинал шевелиться.

Горилла кивнула.

– Садись за руль, – скомандовала она. Подложи под себя книгу и вперёд.

– Я?

– Ты что, хочешь заставить ребёнка вести машину? – в ужасе спросила Герда. – Неслыханно!

Её слова разозлили меня.

– Конечно, – кивнула я с ледяным спокойствием. – Садись рядом.

Я прихватила из фургончика толстую книгу «Всё, что вы хотели знать о французской кухне» и положила её на сиденье. Горилла с трудом залезла в машину и уселась рядом со мной.

– Сюрприз я уронила на землю, – сказала она.

Я подошла к месту драки и увидела маленький чёрный футляр из кожи с блестящей застёжкой.

– Что это?

Горилла подмигнула мне и улыбнулась:

– Фотоаппарат. Я ж сказала, что в следующий раз мы запечатлеем наше путешествие.

Я села за руль, а Горилла подкрутила сиденье на максимальную высоту.

Герда прикусила губу.

– И это происходит средь бела дня у меня на глазах! – запричитала она.

Горилла высунулась из окна и сказала:

– Ты же знаешь, что сама во всём виновата.

Герда посмотрела на неё долгим взглядом.

– Возможно, ты права. – Она подняла в воздух толстый, как сосиска, указательный палец. – Но меня ведь заставили! Иначе мне бы не поздоровилось.

Герда улыбнулась мне:

– Пока, дружок! Если что, пеняй на себя.

– Само собой, – ответила я. – До свидания!

Мы захлопнули двери.

– Достаёшь до педалей? – спросила Горилла.

– Да, – ответила я, хотя мне пришлось изрядно вытянуть ногу.

– Тогда включай зажигание.

Я повернула ключ, и машина заурчала.

– Первая скорость, – скомандовала Горилла. – Отпускай сцепление плавно, когда тронешься с места.

– Знаю!

Я сняла с ручника и… машина тронулась с места. Мы объехали двор и выехали на дорогу.

– Вот дела! – ликовала Горилла. – Ты водишь лучше, чем я. И это притом, что у нас позади фургон! Ну что я говорила, вундеркинд, да и только!

Я прибавила скорость. Внутри у меня всё пело, когда мы выехали из нашего промышленного района.

– Да уж, – сказала я, в последний раз посмотрев на «Машинную мастерскую Персона». – Будет у них бассейн, как ни крути.

Глаза у Гориллы сделались очень хитрыми, а уголки губ поползли кверху.

– Ты чего? – спросила я.

– Да так, ничего особенного, – ответила Горилла. – Просто… я не подписала его документ.

– Как это? – удивилась я. – Ты на моих глазах подставила свою подпись.

– Хе-хе, я и вправду там что-то нацарапала, но подпись не поставила. – Она развела руками. – У меня такие неуклюжие лапы, что вместо подписи получаются сплошные каракули. – Она ухмыльнулась. – Представляю его физиономию, когда он это обнаружит. Не видать ему моего участка, да и где он меня теперь найдёт? Хо-хо!

Когда мы немного отъехали, я прокашлялась и сказала:

– Арон из приюта кое-что мне рассказал. Может, он, конечно, выдумывает, но… однажды Герда избавилась от одного ребёнка, потому что очень не любила его.

Горилла кивнула.

– Ага, – сказала она, глядя в окно. – Я тоже слыхала эту историю. Этот ребёнок, видите ли, портил впечатление от её распрекрасного приюта. Он был слишком уродливый, и проблем с ним было видимо-невидимо. Говорят, Герда выгоняла его в лес, когда приезжала проверка.

– Ага, – подхватила я. – А как-то раз ночью она посадила этого ребёнка на багажник велосипеда и завезла в какую-то глухомань – туда, где ни одной живой души поблизости нет.

Горилла снова кивнула.

– Так всё и было. Она завезла его в заброшенную хибару на окраине города. И все думали, что ребёнок погиб, ведь ему

было всего лет восемь.

– И я о таком слышала. Говорят, ребёнок погиб.

Горилла молча смотрела в окно.

– Ну… – пробормотала она. – Никто не знает наверняка. Бывают очень живучие дети. Надеюсь, этот ребёнок всё-таки выжил.

– Я тоже, – сказала я.

Мы немного помолчали.

– А давай откроем где-нибудь «Букинист», – предложила Горилла.

Я кивнула. Город со своими домами остался позади.

Прощай, Герда. Прощай, Турд. Здравствуйте, приключения!

Привет, Арон!

Я решила написать тебе, чтобы ты за меня не волновался. У нас с Гориллой всё хорошо. Здесь очень тепло, Горилла всё время бегает на море купаться. Если я ничего не путаю, в приюте сейчас весна. Наверняка вам приходится работать с утра до вечера. И вот что я тебе посоветую. Помнишь ручей, который протекает возле сарая? Если ты пойдёшь вдоль него, то окажешься в лесу. Ручей приведёт тебя к небольшой полянке, посреди которой есть камень, похожий на кресло.

А на фотографии, которую я тебе высылаю, мы с Гориллой рядом с нашим книжным киоском на колёсах. Дела у нас идут прекрасно, но времени свободного нет. Жаль, я не могу рассказать тебе, где мы находимся, – вдруг это письмо попадёт к Турду. Но однажды мы с тобой увидимся снова. Желаю тебе всего самого хорошего!

С приветом,

Юнна

P. S. Если когда-нибудь к вам в приют приедет горилла на старом автомобиле, не упусти своего шанса. Не всегда стоит полагаться на первое впечатление.

Привет, Фрида Нильсон!

Опиши себя тремя словами.
Весёлая, упрямая, брюнетка.

Какое твоё любимое животное, блюдо, цвет и книга?
Собака бассет, варёные раки, красный цвет, «Крылатые выражения» Пелле Хольма.

Где тебе нравится больше всего?
В лесу.

Что тебя расстраивает?
Новости о людях и животных, попавших в беду.

Почему ты пишешь книги?
Чтобы задуматься о чём-то новом и узнать, чем закончится эта история.

Откуда ты берёшь идеи для своих книг? Каков твой источник вдохновения?
Рассказы мамы и папы, которые я запомнила с детства.

Расскажи, как проходит день писателя?

Я начинаю писать задолго до завтрака. Потом выпиваю пять чашек кофе и сажусь обедать. А в два-три часа уже заканчиваю работу.

Что самое приятное в работе писателя?

Когда придумываешь, как сделать историю интереснее.

А самое сложное?

Когда переписываешь какой-нибудь отрывок пять раз, а лучше не становится.

Кого из героев твоих книг ты любишь больше всего?
Крысу Данте из книги «Я, Данте и миллионы».

Что ты любишь делать в свободное время?
Люблю побыть в кругу семьи, сходить за грибами.

А какие книги ты сама предпочитаешь читать?
Детские книги, у которых есть своё лицо и интересная история.

Лучшее место для чтения?
Диван!

Как распознать хорошую книгу?
Может быть, по красивой обложке?

Посоветуй, как начать писать самому?
Просто пиши, и всё! А если не получается, то бросай.

notes

Сноски

1

День Святого Кнута в Швеции, Финляндии и частично в Норвегии знаменует окончание рождественских праздников. В этот день принято выносить ёлку.